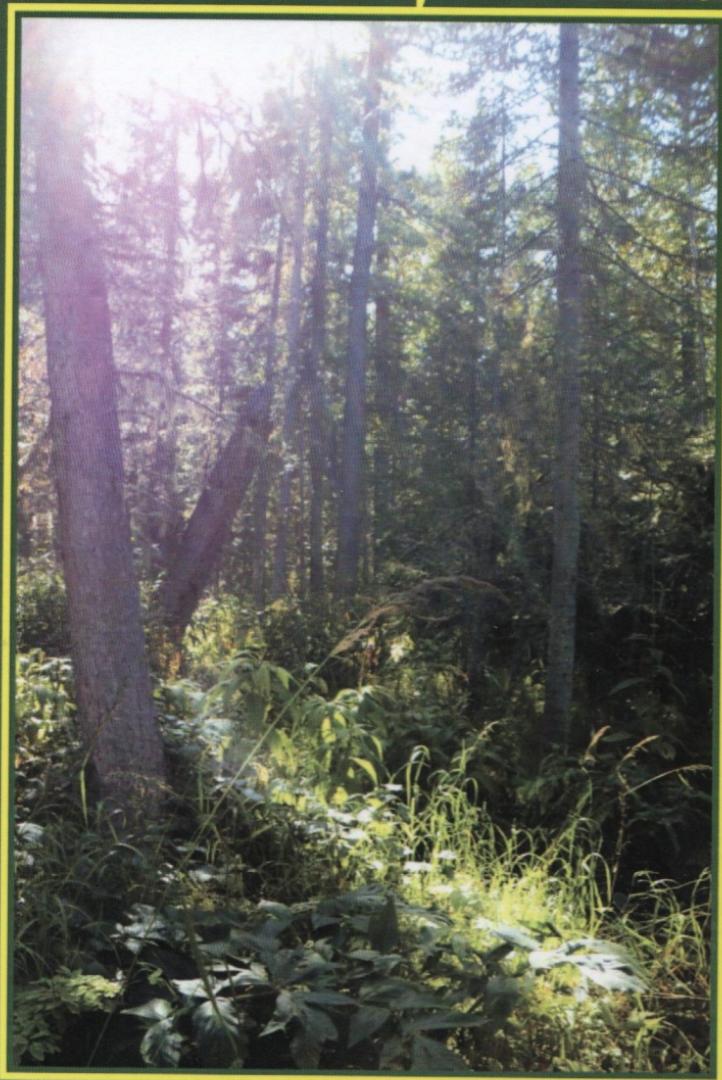


Марина Комова



ДОРОГА  
В СОСНОВЫХ *Стихи*  
ИГЛАХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЛЕСА»

МАРИНА КОТОВА



**ДОРОГА В СОСНОВЫХ ИГЛАХ**

*Стихотворения*



Москва

Издательство Московского государственного университета леса  
2013

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

К73

*Дизайн обложки и оформление  
Юрия Невского*

**Котова, М. А.**

К73 Дорога в сосновых иглах: Стихотворения/  
Марина Котова. — М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2013. — 176 с.  
ISBN 978-5-8135-0601-7

В своей новой книге «Дорога в сосновых иглах» поэт Марина Котова раскрывает сложные взаимоотношения современного человека и природы. Лес в восприятии автора наполнен живыми космическими токами, связующими прошлое и будущее.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-8135-0601-7

© М. А. Котова, 2013  
© ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2013

## РУССКИЙ ЛЕС

Эта книга необычна для нынешнего электронного века. Она посвящена русской природе, русскому лесу. Стихи, вошедшие в нее, рождались на засыпанных хвоей лесных дорогах, на песчаных обрывах Оки, на низменных травянистых берегах ее притоков. Их пронизывает свет точно так же, как пронизывает солнце заповедные красные боры, устланые белыми и зелеными коврами.

Течение жизни нашей во многом определяет место рождения. Я родилась в самой сердцевине России — в низовьях великой Оки, я выросла на ее золотых песках. История этих мест удивительна и трагична. Люди селились здесь издавна. Ученым всего мира известен Сейминский могильник, происхождение которого до сих пор остается загадкой. В начале XX века встал на окском берегу новый соцгород — столица химии Советского Союза, до неузнаваемости изменивший облик богатого лесами и водами края. Не знаю, любила бы я так страстно и пронзительно природу, понимала бы ее так тонко, наблюдая за ее состояниями и переливами настроения, родясь в другом месте. Слишком рано я осознала, что жизнь человеческая одно лишь дыхание. И спасая это дыхание, моя семья, как и сотни других горожан, рвалась на природу. Лес своим густым влажным дыханием хранил нас от смерти, лес кормил, лес исцелял травами своими. Не было большей радости, чем ощущать его живое присутствие, наполненное древними чудесными токами, которые, уверена, наши предки воспринимали более сильно и глубоко. Мы пешком исходили покрытые лугами и лесами земли вдоль Оки и

Клязьмы, где стояли когда-то древние крепости Бережец и Стародуб. И с ранних пор для меня лес не только воплощение красоты, но и самой тайны жизни, исток всего сущего. И теперь для меня природа остается высшей ценностью. И душа дрожит листвой при виде желтых песчаных пригорков, поросших вереском пустошь; идущих из древности и уходящих в вечность корабельных сосен, копящих в коре солнце. Время в заповедных борах цельное, нетронутое, ибо лес — истинный хранитель времени, истины, не зря такозвучны Бор и Бог.

Золотой век русской поэзии воспевал широкошумные дубравы и реки, тишину, гармонию, величие русских просторов. От ними у нас этот простор — и заchaхнем, задохнемся, вымрем. Русская душа без воли, без простора жить не может.

Не прав тот, кто видит в стихах о природе только пейзажную лирику, обычное описание. Таковых в чистом виде не существует. Любая картина природы, воплощенная в слове, уже заключает в себе некую философскую мысль, и еще подспудное стремление закрепить, задержать мгновенье красоты, гармонии, либо некоего необычного, потрясшего душу состояния мира. Это стремление во многом проистекает из страха потери, ибо неостановимо рушится, уничтожается все живое теми, кто в природе этой жизни не чувствует, кто ненавидит ее тайны, для кого земля не мать, не живое существо, а источник «полезных ископаемых», средство обогащения. Мы расprodаем нашу живую землю по кускам, вспарываем ее чрево, добывая скрытое в недрах, мы сводим леса на корню, лишая себя возможностей дышать.

Убеждена, что нет сейчас темы важнее, чем взаимоотношения человека и природы. От того как будут развиваться эти отношения в дальнейшем, зависит жизнь самой Земли и самого человека. И потому книга эта, на мой взгляд, и своевременна и современна.

*Марина Коломак*

## ЦАРЬ ДАВИД И ЖАБЫ

*Всякое дыхание да хвалит Господа.*

*Пс. 150, 6*

Был славен Давид — музыкант небывалый.  
Когда он играл на пастушьей свирели,  
То ветви деревьев от радости пели  
И овцы о тучной траве забывали.

Поклялся Давид, глядя в горние выси,  
Дать Богу жилище, когда воцарится.  
И сел за Псалтырь. Как возвышенны мысли!  
Стихам полнозвучным и сам он дивится.

Слагал, будто в утренний час на затишье  
Срезал розоватые зрелые гроздья.  
И видел вельможа, царя посетивший:  
Шептал ему на ухо Ангел Господень.

Однажды Давид, вдохновленный, счастливый,  
Окно распахнул серебристому саду.  
А гость светозарный его над долиной  
Взошел — на одеждах цветы и цикады.

Есть лестница в небо — крутые ступени,  
По ней, огнелики, с высот бирюзовых  
Спускаются к людям под звездное пенье  
И снова восходят по Божьему зову.

С болотца близ тайной палаты царевой,  
Где ряска и тина, тростник запошный,  
Ударило в уши — полуночным хором  
Горластые жабы вопили истошно.

Нет мира в душе, и бесплодны усилия:  
Нет струнам Псалтыри чудесного лада.  
«Умолкните, твари!» — царь шепчет бессильно  
В орущую бездну за темной оградой.

Восторг вдохновенья — медовые соты!  
Настанет покой — вновь его он обрящет.  
Давид верных слуг посыпает к болоту,  
Чтоб жаб разогнали соломой горящей.

И вот тишиною окутан провидец,  
Готовится царь низать жемчуг словесный.  
Но в круге дрожащем светильника видит:  
Огромная жаба вольготно расселась.

Болотная тварь на стихе драгоценном!  
И запах гниющих растений и тины.  
Пришлицы черной, как веянье тлены,  
И голос, и вид, и дыханье противны.

Сгинь! — царские ноздри белеют от гнева.  
Отбросил — и ждет, чтоб волненье утихло.  
Глядь, вновь, будто грязи комок здоровенный,  
Нахальная жаба — знакомое лихо.

Что злой, разрушительней, горше сомнений?  
Как враг, все сокровища сердца разграбят.  
Давид, прежде смелый, в немалом смущенье:  
Не бес ли явился в обличии жабьем?

А может, его неугодно писанье,  
Противно, как хор в тине стонущих тварей?  
Тут молвила жаба: как ты помешал нам,  
Так мы не дадим тебе Господа славить.

Не сон ли? Давид в изумленье немалом.  
Нахмурился царь, заходил по палате.  
Чудны и слова ему гости незваной,  
Чудно, что язык ему жабий понятен.

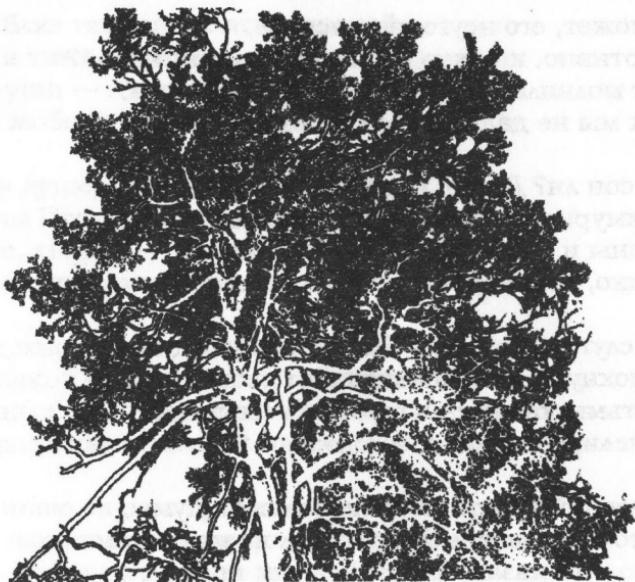
Но слуг отозвал. Тотчас жабы свободно  
Вздохнули, настроились и что есть силы  
Из тьмы камыша в глубину небосвода  
Запели, заплакали, заголосили.

И певчий тростник шелестел свои думы,  
Источник звенел, трепет шел по маслинам.  
И то, что казалось назойливым шумом,  
Теперь представлялось ликующим гимном.

Все славило жизнь и Творца ее в вышних  
На том языке, что дарован природой.  
Трава полевая, нет жальче и тише,  
Несла свою лепту вдовицей убогой.

И, завороженный, в предчувствии слова —  
О жизнь, до чего ты богата дарами! —  
Заслушавшись музыкой мира ночного,  
Давид пред пустыней пергamenta замер.

1 марта 2011



## В ВЕРХОВЬЯХ ВРЕМЕНИ

\*\*\*

Я прежде управлять умела снами.  
И был один. В нем свет глаза слепил.  
По небу, желтый разливая пламень,  
Садилось солнце в выжженной степи.

И сквозь лучей сверкающие спицы  
Дорогою, что ветер проторил,  
В ночь огненные мчали кобылицы  
И поднимали огненную пыль.

Но стоило в бескрайнем диком поле  
Мне путь наметить мысленно другой,  
Табун, подвластный человечьей воле,  
Вмиг выгибался огненной дугой.

Теперь прошу у Бога вдохновенья:  
Одною мыслью, трепетом ресниц  
Дай мне направить ход стихотворенья,  
Как красный бег огнистых кобылиц.

25 марта 2010

## ЧИСТАЯ ПОЭЗИЯ ВЕСЕННЕГО САДА

В зазеленевший сад ворвался дождь,  
Разбередил сиреневые пущи.  
Я забралась туда, где вылез хвощ  
Из древности под свежесть струй текущих.

Тянуло темным от земли вином.  
Лохматый хворост возвышался грудой.  
Как на воде, на воздухе сыром  
Качались кожистые листья незабудок.

А вокруг меня взвихренные валы,  
Воронки, водопады стеблей, веток.  
Вбирая дух корней, травы, коры,  
В жизнь сада я врастала незаметно.

О, если воздух — первовещество,  
То, верно, тот, что полон птичьим пеньем!  
Рыдая от бессилья своего,  
Ему веками подражали флейты.

Не в ветках зарождались голоса —  
В верховьях времени они начали брали,  
Где блещут первозданные леса  
И водопады бьют в уступах скальных.

И я тропу торила как поэт —  
Не чувствами, не мыслью, но наитьем,  
Откуда лился к нам звучащий свет,  
Дробясь в осколки, скручиваясь в нити.

Мир, мне твоей не надо новизны!  
Когда есть миг свободы изначальной:  
Стоять, дышать под куполом сквозным  
Блестающего чистого звучанья.

4 мая 2010

— Ты не видишь? — Ты не видишь? —  
Да, я вижу, — Ты не видишь? —  
Ты не видишь? — Ты не видишь?

\* \* \*

Даль слезится от Божьего света.  
И неведенье сводит с ума.  
Это век ненавидит поэта?  
Или жизнь отвергает сама?

Как проселок, бредущий беспечно  
В стороне от тореных путей,  
Словно пасынок в пазухе млечной  
На развилке цветущих плетей.

Что за труд: в безрассудной отваге,  
Позабыв осторожность и стыд,  
Рассказать безответной бумаге,  
Как душа безоглядно болит.

Не за это ль, с судьбой в рукопашной,  
Этой бабой крикливой и злой,  
Часто ноет, тиранит домашних,  
Просит славы себе неземной?

И какой он гармонии жаждет  
В промороженном бедном углу,  
Припадая так горько и страшно  
Жарким лбом к ледяному стеклу?

здесь комы гудко свободути не  
жаждущими илько и Ноеву льши  
жаждин тих ж водути от  
мощной стояндыбо очумж

\*\*\*

Подобьем сумерек меж белых берегов  
Вода густела, насыщаясь тьмою.  
И странно яркий, четкий средь снегов  
Плыл селезень с атласной головою.

Два леса жили: поверху — земной,  
Вздымая подмороженные кроны.  
А в черной глубине сквозил иной,  
Сознанием воды преображеный.

Волнуясь, он осколками зеркал  
Дрожал, и нити веток вглубь тянулись. —  
Таким его увидела река  
И погрузила в память ледянную.

И словно оказавшись не у дел,  
Как человек, утративший опору,  
Зверь водяной на корточках сидел  
Над зыбким миром леса водяного.

И были так в себя погружены  
Репьев охряных выцветшие звезды,  
И птица в перьях рыжих и ржаных,  
Лес в глубине и зверь на кочке мерзлой,

Так глубоко задумалась вода,  
Дыша травой и снегом первородным,  
Что ощущала я, как никогда,  
Живую обособленность Природы.

Идя своим путем, как повелось,  
Она сквозь припорошенные веки  
Смотрела как-то равнодушно, вскользь,  
Почти не замечая человека.

Но медленный ее, упорный ход  
Пугал неотвратимостью своею,  
Как будто из мифических широт,  
Таинственно преодолевший времяя,

Звенящий льдом, гремя сухой листвой,  
Стирая камни — от меня на волос,  
Исполнен страшной силой нутряной,  
Несспешно проползая громадный полоз.

Я помню: свет от призрачной реки  
Водою черной затопил поляны.  
О, как сдавило голову в тиски!  
Обдало щеки крошевом стеклянным.

13 октября 2008

\* \* \*

В магазине у станции купиши буханку ржаного.  
Вдоль дороги в цветочном снегу увязают сады.  
За день ссохлась душа, но, к закату добравшись до крова,  
Задышала свободней, как путник, испивший воды.

Этот тающий снег среди листьев блестящих и мокрых  
Тем прекрасен уже, что, возможно, исчезнет к утру.  
Греешь руки о хлеб, а в тебя, как в открытые окна,  
Проникает морозная свежесть деревьев в цвету.

И не в силах уйти, все стоишь у чужого забора.  
Он процежен сквозь черные нити вишневых ветвей —  
Запах хлеба и сада — последний оплот и опора  
Для души, искореженной ритмом, не свойственным ей.

Вспомнишь прожитый день, все его закоулки обшарив.  
Тусклый свет монитора, пейзаж в запыленном окне,  
Где, придушенный смогом, унылый спешит горожанин  
С чебуреком в желудке и курсом валюты в уме.

...И как милость небес — со строкою, что бьется в гортани,  
Силясь выскользнуть рвущимся ввысь мотыльком,  
Принесешь в свою комнату белое благоуханье  
И буханку ржаного с прилипшим сквозным лепестком.

Так жарко на солнце падать звезды,  
Листва — краской от солнца покрасоревнована,  
Но вспышка света в небе искрится,  
И вспышки солнца вспыхнули в небе.

И как сквозь леса вдоль спиральной,

\* \* \*

Нет для меня загадочней минут  
Бот этих утренних, пронизанных свеченьем, —  
Как будто облачные рыбы в синь плывут  
Рекой лесною с медленным теченьем.

Чуть шевельнет иная плавником...  
Трава русалочими волосами  
Распущена... И водяным цветком  
На грани сна и яви зависая,

Я слышу то, что ночь, свои пазы  
Законопатив мхом, мешала слышать ясно.  
И представлялся мне родной язык  
Шумящей глухо дебрей непролазной.

И опасаюсь лишний раз вздохнуть,  
Чтоб чудо не спугнуть, к досаде вящей.  
А Слово открывается как Путь,  
Как просека в густой еловой чаше.

2005

и в изгнанье от земли оно — падло языка чуда Ильи  
Богданова, а также погибшего в результате конфликта  
западнокавказской войны чеченского врача и журналиста  
Джабраила Магомеджана Магомедзяна, в окрестах Грозного

\* \* \*

Я — наследница древней прекрасной земли,  
И в стихах моих желтые дюны поют,  
Шумно медленным золотом плещет залив,  
Ищут с криками чайки добычу свою.

Копят в чашах цветы черный мед и дурман,  
Сосны-солнцепоклонники вдоль по реке  
Славить свет по зеленым восходят холмам,  
Увязая корнями в горячем песке.

В темнохвойных стихах есть глупши уголки, —  
Есть где зверю укрыться и мудрой змее.  
Чудо-лотос сквозь толщу озерной строки  
Прорастает утрами в просоночной мгле.

О земля, драгоценный блистающий шар!  
В твоем сердце — огонь! Дай мне силу огня!  
Чтоб цветущую ветвью божественный дар  
Полыхал все пронзительней день ото дня!

Отзываются ливнем небес океан,  
Блещут молнии в яростном шуме вершин,  
Родниками стихи высекая из ран  
Красотою с рожденья пронзенной души.

## РУССКИЙ СНЕГ

Не наглядеться — словно все впервые:  
 Так светел сад, переходящий в лес.  
 Сосульки, точно рыбы ледяные,  
 Развешены сушиться под навес.

Вокруг сугробы, бродишь цапля цаплей,  
 Вытягивая валенки с трудом.  
 Чуть солнце — у сосулек с носа каплет,  
 И розовеет нежно старый дом.

И вдруг глаза защиплет, лишь засльшишь  
 Звук с колокольни дальней. Вот опять...  
 Ах, только б не спугнуть, не расплескать  
 Вот этот миг, дарованный мне свыше.

Запечатлеть зимы молочный запах,  
 Покуда ангел этот сад хранит,  
 Покуда снег — пушистый зверь на мягких лапах —  
 На толстой ветке яблоневой спит.

2005

И залегли в тени, что уж в саду  
На полях устремлены в пруды и речки,  
И вспоминают о счастье прошлого  
Вспоминая о том, что было в саду.

И залегли в тени, что уж в саду?

\*\*\*

Сад в садах, сады в садах, сады в садах

Был праздный день, цветения пора.  
Марило так, что шел озноб по коже.  
И разливал чубушник аромат,  
Густой и желтый, чем-то с дынным схожий.  
Куст диких роз, и тощ, и долговяз,  
Был доведен шмелями до каленья.  
В сырой крапиве, в лопухах увяз,  
В земле испачкав локти и колени.  
Ночным прибитый ливнем, он в тени,  
Что пахла так приманчиво и сладко,  
Прилег. И камушки, песчинки, муравьи  
Его цветам набились за подкладку.

И ради роз, песчинок, муравьев,  
Благоухания июля ради  
Я вышла в сад с неначатой тетрадью,  
Чтоб переплавить в слово бытие.

2005

## ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР

Шел скоморохом алым свет ко мне.  
Горчил сентябрь дубовой желтой грушей.  
Я запыхавшись стала на холме,  
И белизна веселая камней  
Ожгла волной растерянную душу.

Озябший за ночь, холодел в лучах  
Собор, украшен неземною сканью.  
Сады дышали на его плечах  
Волшебною золотоцветной тканью.

Взирали львы с улыбкой с высоты,  
Где девы света крыльями плескали.  
И распускались львиные хвосты  
Лилейными тугими лепестками.

Давид — порыв, идущий сквозь, поверх,  
Всей грудью — птицей, жаждущей паренья,  
Века не опуская тяжких век,  
Вдыхал морозный воздух вдохновенья.

По насту камня, скорлупы белей,  
Из зарослей, из синей дебри мифов  
Шла вереница чудищ и зверей,  
Чтоб трону Псалмопевца поклониться.

И попривыкнув, что у них в лесах  
Не диво встретить на тропе грифона,  
С молитвою на огненных устах  
Внимало небу воинство Христово.

И мне бы ввысь! Была ли так легка?!

О звонкий гул серебряного вздоха!  
Собор сиял. Смеялись облака.  
Плясало солнце красным скоморохом.

Слепя своим широким рукавом —  
Трепещущее радостное пламя, —  
Играло солнце на ковре резном,  
Мешало глазу рассмотреть детали.

Счастлив и дворник со своей метлой,  
И всяк, кто это чудо видел, грешный.  
Но сколько тех, кто тщится дух живой  
Поймать в сачок и умертвить неспешно.

Все дико им: зверей веселый шаг,  
На Божьем храме чудищ пантомима.  
И муж ученый с ватою в ушах  
Гипотезы плодит неутомимо.

Ах, никакого тут секрета нет.  
И не смотри, прохожий, с изумленьем.  
Я знаю точно: мастер был поэт  
И видел мир своим, особым зреньем.

Он был поэт. И потому, пока  
Стоит собор — весь совершенство линий, —  
Другим поэтам воспевать в веках  
Борьбу зверей и белый холод лилий.

А ружнут камни — твердь утратит власть.  
И в заводь звезд, откуда родом мастер,  
Он поплынет, бесплотный, становясь  
Чем дальше по теченью — тем прекрасней.

В ту заводь, где стихов прозрачен сон,  
Где смысл теряют имена и даты,  
Где равнодушен к золоту грифон,  
Его стерегший на земле когда-то.

13 сентября-8 октября 2008

## ВООБРАЖАЕМОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

О море вспоминаешь вечерами —  
Разлив медовой, дынной теплоты  
Над темными большими куполами  
В осенних, спелых звездах золотых.

Сесть на холме. Хребтами лодок старых  
На отмели осели облака.  
Следить неспешно за воздушным шаром,  
Всплывающим со дна ВДНХ.

Отсюда — со своим нетяжким грузом  
(Корзину с человечками несет)  
Он кажется огромною медузой  
В сиреневато-красной толще вод.

Душа встает на цыпочки, томится,  
Лишь только шар натягивает нить,  
Пытаясь — даже не освободиться —  
Чуть дальше по течению отплыть.

Так странно — будто это я в корзине.  
И, ненадежней шаткого мостка,  
Кренится днище на воздушной зыби,  
И берегом виднеется Москва.

Так муторно в скорлупке пустотелой.  
 Одной слепой надеждою живи —  
 На крепость пуповины тонкой с телом  
 Сухим, горячим — матери-земли.

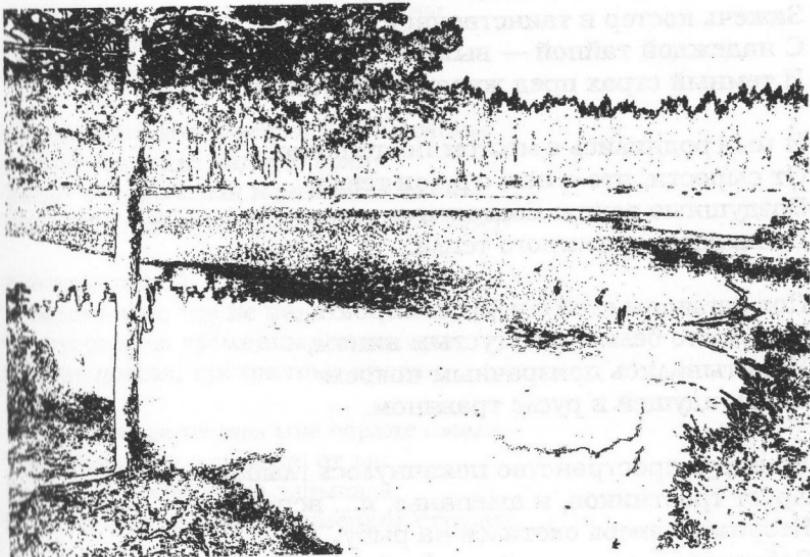
Но кто-то есть во мне — холодный, дерзкий,  
 Чей голос глушит страха желтый гуд —  
 Взять острый нож и нитку перерезать —  
 И пленный шар освободить от пут.

Пускай плывет и нежится в теплыни —  
 Пусть бьет закат о тонкие борта —  
 Над флагами веселыми, цветными  
 Запруженного фурами моста.

Пусть птицы кровь рябин собирают в чаши —  
 Небесные разверсты закрома...  
 Я знаю: близость смерти — путь кратчайший  
 К морозной, страшной ясности ума.

Они придут — пронзительны, стооки,  
 Слепящей вспышкой — остальное хлам, —  
 Те самые, провидческие, строки,  
 Что лишь над бездной открывают нам.

19 сентября 2008



## ДРЕМУЧЕЕ СЕРДЦЕ

### ВИДЕНИЕ ЗВЕРЯ У РЕКИ ВОРИ

Душа реки, тяжелая, глухая,  
Зеленой освещенная листвой,  
Едва струилась, илом зарастая,  
В крапиве зябкой, в таволге густой.

Мы к ней пришли, когда завечерело,  
Зажечь костер в таинственной тиши  
С надеждой тайной — выжечь все химеры  
И темный страх пред жизнью заглушить.

И мы сроднились с местом постепенно,  
От сырости, что к нам с дугов текла,  
Воздушные вокруг воздвигнув стены  
Дрожащего и дымного тепла.

Под взглядом елей с черною корою  
Мы, будто белый хлеб густым вином,  
Напитывались призрачным покоем  
Воды, идущей в русле травяном.

Но вдруг пространство покачнулось глыбой.  
Хруст тростников, и шлепанье, и... всплеск.  
Незримый зверь охотился на рыбу,  
Забравшись в водяной пахучий лес.

И вот из голенастых стеблей длинных  
Он вынырнул и не спеша поплыл,  
Весь — порожденье тишины и тины,  
Травы, глубоких заводей и мглы.

Он в ивняке, что и блестел, и плакал,  
Угла глухого, тихого искал.  
Ему был чужд костра тревожный запах  
И наша непонятная тоска.

Мы сдвинули невидимые оси  
В привычном мире диких берегов,  
Где зверь за жизнь отчаянно боролся  
И защищал потомство от врагов.

И к сердцу тень крылом метнулась черным,  
Все омрачив — с небес до глубины.  
Мы, со своею болью утонченной,  
Природе не важны и не нужны.

На краткий миг произошло сближение.  
Листва впитала чадную волну,  
Зверь осторожный изменил движенье,  
Вздохнул, нырнул в спасительную тьму.

И вновь покой, и неподвижность веток.  
И зелень вод, где не видать ни зги.  
От шарканья громадных водомерок,  
Как от дождя, прозрачные круги.

...Тончайшая печаль мне сердце сжала.  
Там, удаляясь медленно от нас,  
Река нас постепенно забывала,  
В холодных, влажных сумерках струясь.

14 ноября 2011

Обычно я не люблю писать в прозе, но в этот раз я не могу обойтись без этого. Я не могу обойтись без этого, потому что это мое самое честное выражение моих чувств. Я не могу обойтись без этого, потому что это мое самое честное выражение моих чувств.

Я не могу обойтись без этого, потому что это мое самое честное выражение моих чувств. Я не могу обойтись без этого, потому что это мое самое честное выражение моих чувств.

### ДРЕМУЧЕЕ СЕРДЦЕ

Когда вечереет и солнце, косматый медведь,  
Огромный, багровый, в берлоге скрывается тесной,  
Вокруг все немеет, как будто боится шуметь,  
И, странно дичая, вдруг преображается местность.

Луга, точно дань, отдают неохотно тепло,  
И дуб у болота возьмет да и сбросит личину,  
Как будто змеиные сумерки влили в него,  
Как в полый кувшин, непонятную, чуждую силу.

Сквозь темные листья (иль только мерещится мне?)  
Он смотрит! Не двинуться! Он пригвоздил меня взглядом.  
Такой он живой, что мурашки бегут по спине,  
Того и гляди, понадвинется грозной громадой.

И частью души, где свивается дым древних снов,  
Где шорох звериный и прозелень молнии в тучах,  
Почувствуешь ужас, творящий богинь и богов,  
Как чувствовал предок тоскующим сердцем дремучим.

11 марта 2010

## РОДНИК В МЕРТВОМ ЛЕСУ

Мы заплутали. Леший закружиł,  
Или чутье нас подвело и память, —  
День догорал, и мы, почти без сил,  
Шли наугад, кругом со страхом глядя.

Нет ни следа! Заткала путь трава.  
Свиваясь, корни двигаться мешали.  
Таинственно и чудно отливал  
Голубоватым высохший лишайник.

Не ворохнутся ели — только пни  
Пугали стоном, гибельным и древним.  
И, будто павшие богатыри,  
Вполовину спали мертвые деревья.

Звериный остаток, дух воды гнилой  
По рытвинам, на месте старых лежбищ,  
И черный шорох листьев под ногой, —  
Все звало примириться с неизбежным.

Упасть ничком, чтобы со всех сторон  
Надвинулась, сомкнула сумрак чаща.

И странен показался тихий звон,  
Как голос человеческий звучащий.

Мы шли на зов, и вот среди стволов, —  
Казалось, кто-то взял рукой железной  
И сдернул сна и морока покров —  
Раскрылась падь сияющею бездной.

Там жил родник. Такою чистотой  
От заповедной веяло криницы,  
С такою силой был поток густой,  
Что было даже страшно подступиться.

Он пел о том, что далеко живет  
Прекрасная собою Царь-девица,  
И с белопленных, тонких рук ее  
Хрустальная вода легко точится.

Что были те, кто видел в старину  
Ее лицо под шелковым покровом,  
Что вход в ее заветную страну  
Змей стережет двенадцатиголовый.

Что ехал чащей Муромец Илья,  
Он сон и хмаръ отвел как паутину.  
И под копытлом мощного коня  
Земля сырая, дрогнув, расступилась.

И век не тот, и сказки не в чести,  
Их даже дети нехотя листают.  
И вряд ли мог кого родник спасти  
Свою песней, чистотой хрустальной.

Кому он пел в глухонемой тиши?  
Зачем дрожала жемчуга завеса?  
Но пел и пел, стараясь заглушить  
Мертвящий ужас гибнущего леса.

22 декабря 2009



И спасибо погоды, что я могу погулять и это не чай!  
 Как же я люблю погоду! Быстро вспыхнула пасхальная погода, и  
 Атмосфера жаждет дождя, да и я об  
 этом стала знать, и вот предел отчаяния ожидает меня.  
 Красиво, что погода дружит с природой.

\* \* \*

Здесь, на припеке, и не опишу,  
 Как хорошо. Ростки пробили хвою.  
 Блаженно щурюсь, глубоко дышу  
 И насыщаюсь силищей земною.

Вот так стоять, на белый свет смотреть,  
 Как куст бузинный, завитки былинок,  
 И, как они, врастать стопами в твердь —  
 Такой знакомый и родной суглинок.

С чем это чувство дивное сравнить?  
 Как эти комья после ливня сочны!  
 Вновь ощутить неровности земли —  
 Рубцы и складки, впадинки и кочки.

Хвоинки, ветки, войлок травяной —  
 Все, что росло, копилось дни за днями,  
 Что перемелет время в перегной,  
 Прочувствовать, как в первый раз, ступнями.

Всю эту землю — поле, луг, овраг,  
 Блестящую, в промоинах дорогу,  
 Осваивать, как новь — за шагом шаг,  
 Несспешно, осторожно, понемногу.

Всю эту землю — поле, луг, овраг,  
Блестящую, в промоинах дорогу,  
Осваивать, как новь — за шагом шаг,  
Несспешно, осторожно, понемногу.

Весь этот мир — воды, деревьев, трав,  
Его холмы, просторы, перелески, —  
Где все живое, мертвое поправ,  
Вновь воскресает в трепете и блеске.

2006

Видели ли вы когда-нибудь  
Леса в синеве? Или синеву лесов?  
Синеву морей? Или моря лесов?

\* \* \*

В то лето мало выпало тепла.  
Зато дожди, и, пресыщаясь влагой,  
Синь незабудок не спеша цвела  
По перелескам и глухим оврагам.

Вбирая силу и простор земли,  
Превозмогая холод и осоку,  
Цветы себя как будто берегли,  
Стараясь не осыпаться до сроку.

И было видно мне издалека,  
Как воздух пылью радужной наполнил  
И подмывая корни сосняка,  
Лазури мерно опадают волны.

Кого они в глухи своей лесной  
Так ждали, кто им был судьбой обещан  
Сквозь капель звон и плеск листвы сырой  
Во сне, сколь протяженном, столь и вещем?

Но ждали, а иначе отчего,  
Привстав на цыпочки, во все глаза глядели,  
А то вдруг ни с того и ни с сего  
От хруста обмирали, холода.

Они держали цвет, едва дыша,  
Им дорожа, как чаща леса — тишию.  
Но, видимо, устала ждать душа —  
Поблекли и осыпались неслышно.

Лишь куст один, в печальной ворожбе,  
От ветра скрытый в яме придорожной,  
Все цвел и цвел, отчаянно, тревожно,  
И не сдавался смерти и судьбе.

2006

Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.  
Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.

Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.  
Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.

Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.  
Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.

Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.  
Словно пурпурный цветок, вспыхнув на поляне, —  
Быстро засыхает, оставляя лишь пыль и пепел.

Дорога ведет к тому плавнику, что  
погибнет — если сюда зайдут ми-  
ланы, — и погибнет вдогонку, очевидно, об-  
саженная сорвиголовами из плавней.

\* \* \*

Что может быть лесной дороги лучше,  
Особенно по осени, когда  
Все улеглось, и краски стали глуше,  
И холодна небесная вода,

И по утрам туман, как клочья ваты,  
Рассовывают в норы муравьи —  
Свидетели расцвета и заката,  
Немые утешители твои,

И узелки деревья увязали,  
И раны туже затянули мхом  
И вот уходят в зиму, увязая  
По щиколотку в золоте сухом.

2006

Сквозь дыны, прошевеленные от ветра — здорово для себя  
В сосновом лесу проплыть сквозь к морю — для чистоты  
Свежести и чистоты — сплавлять солёную воду из реки  
Своими собственными руками — для науки и труда

\* \* \*

Здесь я с водой боролась через силу.

Переливался, тек слоями зной.

Вел черной влаги коридор живой

Меж ирисом озерным и аиром.

Пыталась плыть — затягивало в бездну.

И застилая мутью небосвод,

Вода в глаза хлестала, в уши лезла,

Шепча о смерти, заливала рот.

И вот когда в глазницах солнце меркло,

Выталкивала на сырой песок...

Матросом шла враскачу водомерка

По зыбкой почве водяных дорог.

Лелея все живое: рыб, лягушек,

Горластых уток, чинное зверье,

Одну меня теснило равнодушно

Враждебное от века бытие.

И день был дан мне — без числа и края.

У длинных трав сидела я в ногах.

От красоты своей изнемогая,

Вода плескала в низких берегах.

Все как вчера — и в то же время внове  
Смотрели лес над озером и холм.  
Как будто яви зеркало стальное  
Вдруг повернули под другим углом.

Светились волны в золотых обводках,  
Дозор стрекозий в бронзовой броне.  
И лилии в воде до подбородка  
Змеили стебли в темной глубине.

И отразилась в мыслях непривычно  
Стихия, что вчера была чужой,  
С ее звериной, травяною, птичьей  
Дремучей первобытною душой.

Прохладой тонкой, слабым дуновеньем,  
Чуть позлащенным дымчатым крылом,  
Всего на краткий миг доступным зренью,  
Коснулся свет сознанья моего.

И ровнею всему, что здесь дышало,  
Боясь настрой таинственный спугнуть,  
В прозрачном сне, под знайным покрывалом,  
В живую воду я вошла по грудь.

Судьба крючочки тайные сцепила.  
И только дно толкнула я ногой,  
Земля, ослабив хватку, отпустила  
И поплыла незримо подо мной.

И легкой став — так птице легок воздух —  
Теперь держала бережно меня  
Синь солнечная, вся в искрящих звездах,  
В прозрачных струях, в голубых слоях.

И мир дышал, прекрасен, и огромен,  
И несказанной нежностью томил...  
Большие лица лилий плыли вровень  
С лицом блаженно сморщенным моим.

20 августа 2008

Молескинъ мышата из этих краев  
забытое ими лесомъ — птицы, их тучами  
мчавшися в машинномъ чреве или плавающими  
птицами скитающимися на склонѣ высокихъ холмовъ  
могутъ ликвидироваться въ короткое время. И  
тогда же удастся чутко птичью птицу за  
достаточно времени ухватить, а чайка об  
одинаковой силѣ до конца жизни разноситъ об  
одинаковыхъ птицъ изъ леса въ море и обратно.  
Въпреки тому, что изъ леса въ море об  
одинаково часто птицы несутъ съ собой  
холода и холода, птицы несутъ съ собой  
жару, которую вынуждены терпеть изъ-за отсутствия



Следи за мной — я в твоем лесу — и ты будешь счастлив. Я  
запомнил для тебя дерево и листья солнечного юношеского  
Счастья, и оно всегда будет напоминать тебе о том, что  
Наша любовь не поддается забыванию и никогда не исчезнет. О

\* \* \*

Идти и идти по песчаным пригоркам.  
Вокруг ни души — хоть побыть на свободе.  
Взбираться навстречу сосенкам и елкам,  
Чьи корни дышать на поверхность выходят.

И мне надышаться бы листьями, ветром.  
Ах, как утолить эту жажду по лесу!  
По солнцу в ловушках расставленных веток,  
По темным, колючим еловым навесам.

По мхам голубым и по белым, что снегом  
Поляны прикрыли, где разом опешив,  
Безмолвно стоишь, наслаждаясь разбегом  
Сиреневых, желтых тугих сыроеzek.

По рыжим лисичкам в бруслике кровавой,  
По хрупким волнушкам, ореховым, белым.  
По меду и прели... Я даже не знала,  
Как сердце к печали лесной прикипело.

Все жизни простишь за целебную силу  
Прохлады лесной. И поймешь средь деревьев,  
Зачем уходили из мира святые  
Молиться в землянках в неведомой дебре.

Такой чистотой все здесь дышит от века.  
И небо в листве — вечной жизни залогом.  
Что, кажется, ближе до Господа Бога.  
И легче любить и прощать человека.

5 сентября 2006

жиле то синем, где-то золотистым. Но не  
мотыльки краинки золотые — светлая и бордовая  
весь дождь от леса до леса, от  
леса к лесу и леса к лесу.

Все в лесу сидят на деревьях.

## ДУРНАЯ ПОГОДА

Природа напряглась и из последних сил исторгла снег, но  
ливень смел его.

Грибы уродливые, жирные на пнях блестели маслянисто,  
поднимали

Головки, по-змеиному шурша.

Лось падалицу, битую морозом, губами собирал с травы  
декабрьской

Под зимним раздражаютим дождем.

И, одурев от черной сладкой гнили, башкой мотая, вышел  
на дорогу.

И там стоял, себя не сознавая, светился дождь на лопастях  
рогов.

Ему навстречу несся человек с дурным предчувствием,  
Тоскуя слабым телом, изломанным, измученным дождем,  
Метался стрелкою магнитной в руке дрожащей.

Глаз ослепили желтые грибы,  
Что влезли высоко на ствол сосновый.

Пять тысяч дал на лапу полицейским.

Приехали на джипе егеря, забрали тушу.

Так он рассказывал соседу в электричке.

По протоколу лось поднялся сам и мирно в лес ушел,

Разбив стекло машины ветровое.

Долго обсуждали, как хорошо все сладилось, а то бы  
пришлось платить  
За каждый килограмм живого веса.

Мужик, в углу сидевший неподвижно, сказал вполголоса:  
Дурные дни настали для зверья.  
Как зайцу жить? Менять ли шубку белке?  
Молись о снеге, Русь, молись о снеге.

15 декабря 2011

Что от вездесущего всея природы нам, наследство старой  
столицы, осталось?

Сквозь склонные кипятком синевы неба

заслоняющие землю, разбросанные Никандров чай с листьями  
деревьев или, наоборот, из-за земли,

все же видны ветви яблони, чайной листья, чайные листья

и чайные листья, чайные листья в земле, чайные листья в земле.

\*\*\*

Много ли путнику нужно усталому?  
Дикой природы найти не сумев,  
Сядем в траву меж полями овсяными.  
В светлой тени подмосковных дерев.

Карту разложим. Напрасно не спрашивай,  
Как, почему нам она соглашалась.  
Бедная карта, от века отставшая,  
Новую правду вместить не смогла.

Там, где боры простирались безбрежные,  
Духом еловым дышали в лицо,  
Спят за колючкой поселки коттеджные,  
Тихие, будто дома мертвцев.

Речка бежит, поздним солнцем прохвачена,  
Не продерешься теперь до нее:  
Всюду заборы упитанных дачников,  
Сунься — и злобное лает зверье.

Нас вытесняют — из жизни, из времени  
(Им красоту бы закрыть на засов!)  
Вроде индейцев забытого племени  
Из дождевых уходящих лесов.

Мы собирали летучие образы,  
Мы не стремились ничем обладать.  
Вот и гадаем теперь под березами,  
Что там не продано? Где нам шагать?

Как для другого построить хоромины,  
Нам красоту отыскать бы в пути,  
И притянуть ее веткой диковинной,  
И надышаться — и отпустить.

В путь! Нет, еще ничего не потеряно!  
Много потеряно, пни говорят.  
Скатертью синей над нами расстелено  
Русское небо без всяких оград.

11 октября 2011, 15 июня 2013



## ЕЛОВЫЙ БОР

\*\*\*

Бор медленно темнел, уйдя в себя, сомкнув уста,  
Лесные духи заструились по оврагам.  
Мерцали тускло мокрые грибы и береста —  
Светильники во мху, набухшем влагой.

Бесшумно папоротник над землей парил,  
И вот помедлив у елового порога,  
С бесчисленным лесным народом говорить  
Царь-жаба вышла из подземного чертога.

Бугрилась сумрачно среди бахромчатых хвоцей,  
В листве коричневой почти неразличима,  
И чутко слушала дыхание существ  
В налитых немотой мрачнеющих глубинах.

18 сентября 2012

Лесной пейзаж для сюиты «Лесные сказки»  
«Лесной пейзаж» из цикла «Лесные сказки»  
Составлено морским писателем Юрием Коневым  
Лесной пейзаж о художниках и писателях

\*\*\*

В таком лесу я не бывала сроду:  
Березы черные, поднявшись на корнях,  
Шли сквозь осинник, где замшелые колоды  
Сидели сумрачно в разросшихся хвоцах.

И плауны, чей предок древовидный  
Ел солнца красного лохматого огонь,  
Из древней чащи караваном длинным  
В бор добрали и разлились рекой.

В глубинах хвойных валуны душой грубели,  
Ложилась тень на каменные лбы,  
И шестилапые, в два-три обхвата ели,  
Медведями вставали на дыбы.

Плющи, глотая жадно свет и воздух, кверху лезли,  
Деревья в небо упирались головой,  
И плеск вершин сливался с шумом облачного леса,  
Напитанного влагой дождевой.

Темнели выворотни, растопырив сучья,  
И глиной пахли, мокрым черным мхом.  
Бор жил, как встарь, во времени дремучем  
Затерянным во тьме материком.

И страх сковал меня: вот-вот тропу затянет,  
Заткнет во времени сквозной проем  
Тот, кто хранил века сырого бора тайну  
И духу не давал угаснуть в нем.

И я кустом в хвоющем заросшей яме  
Прижмусь беспомощно к шершавому стволу,  
Пропахну влажным ветром и грибами,  
Врастая в хвойно-лиственную тьму.

2 октября 2012

такое чувство где-то было когда-то и  
всюду вспоминаешь счастье от той же  
чайки какой-то другой, этого другого оттого что  
она в этом году не прилетела.

Сын Бориса сидел молча и молчал и

## ЛЕС В ДОЖДЬ

На сквозняке шумит и брызжет свежестью листва,  
Змеяется уползает в полумрак древесный скользкий корень,  
Напомнил дождь: вокруг живые существа  
С душой особеною, памятью и волей.

Дубы кривые, низкорослые во мгле,  
Поскрипывая чуть от ветродуя,  
Зверями допотопными бегут  
На искривленных и сухих своих ходулях.

И птицею мифической лесной  
От ига нападавших, в могучей хищной силе  
Лениво, медленно, блестящий и худой  
Огромный папоротник отряхает крылья.

Над ним сухая ель струким божеством  
На влагою набухшем мху зеленом  
Сидит и грезит о грядущем, неземном,  
Уставясь в полумрак сырого бора.

2 октября 2012

стремлениями склоняется потоком от стихии  
вдоль потока зеленой листопадной  
своей гладкой художественной пульсации  
Быть под здешней землей гидрометрии

\* \* \*

Сырой еловый бор — жилище мухоморов,  
Крылатых папортиков, ландышей, хвощей,  
Зверья и птиц и люда прочего лесного,  
Что любит темень земляных пещер.

Есть тайна некая, скрытая в глубинах:  
Чем так влечет печальный дух грибной  
И желтый запах вязкой мокрой глины,  
И темно-сизых неподвижных хвой?

Откуда чувство связи сокровенной  
С любым в лесу живущим существом?  
И луч догадки проблеском мгновенным:  
Не райский сад, а лес — наш первый дом.

И не о том ли наш язык дремучий  
Шумит и шепчет от начала дней,  
Храня лады торжественных созвучий  
В тяжелой, темной памяти корней?

Не оттого ли издревле люди звали  
Лес темною зубчатою стеной,  
Зеленым теремом, а белый мох — коврами  
В росе жемчужной, влаге смоляной?

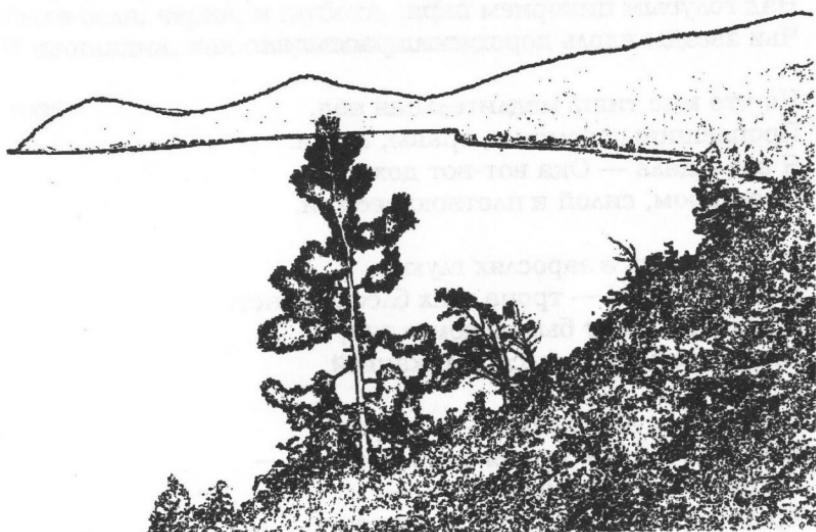
Не оттого ли как вернувшийся с чужбины  
Вздыхает человек, входя под хвойный кров,  
И бродит, ищет на тропах звериных  
Следов присутствия отвергнутых богов,

И что-то сilitся мучительно припомнить,  
Мерцающей подернутое мглой,  
В пустынных анфиладах хвойных комнат,  
Что ведает лишь Бог да бор сырой.

8 октября 2012

Лес в Покровске — это Балтийский берег  
Северного полушария, покрытый хвойной  
и лиственной растительностью и водами Балтийского моря.  
О чистой прозрачности воды здесь говорят  
Балтийские луга, на которых течет река  
Лубы, приток Северной Двины, впадающей в Балтийское море. Несмотря на то что в Покровске нет прямого выхода к морю, вода из реки Лубы имеет соленость морской воды.  
Лес в Покровске — это не просто деревья, это целая экосистема, состоящая из различных видов растений, животных и насекомых, взаимодействующих друг с другом. Это место, где можно увидеть множество видов птиц, таких как  
Синицы, Вороньи, Голуби, а также различные виды насекомых, таких как  
Бабочки, Колебельки, Муравьи и другие. В лесу можно увидеть различные виды деревьев, включая ели, сосны, бересклеты, яблони и другие.





Лесу склонам — между струйками  
шума трещи пахала тонким сухим  
— вдоль склонов темнота дала им  
раскаты неба, и облака вились над

## ЯВЛЕНИЕ ОКИ

то склонам темнота дала им  
раскаты неба, и облака вились над

## ЯВЛЕНИЕ ОКИ

Луга лежали, плоские, как стол.

Трава доснилась. Пух — земной скиталец, —

Боясь запачкать стопы, тихо шел

По воздуху поверх заросших стариц.

Поверх голов ромашек, купыря,  
Покой озер хранящих неусыпно,  
Над голубым цикорием паря,  
Чьи звезды вдоль дорог июль рассыпал.

Но что мне тиши медлительная вод,  
Проплешины суглинка, травы, межи.  
Я все ждала — Ока вот-вот дохнет  
Простором, силой и плотвою свежей.

Река таилась в зарослях глухих.  
Еще чуть-чуть — тропа в их блеске канет.  
А дальний берег был угрюм и тих,  
Он головой вздымался великаньей.

Круглились ивы аркой — и в проем,  
Казалось мне — речная синь сочится. —  
Такой ее — запасливее пчел —  
Хранила память в сотах золотистых.

Раскинуть руки — и бежать туда.  
Пусть жар и пот лиловым смоет валом.  
Но там, где мне мерещилась вода, —  
Над лугом небо на дыбы вставало.

И сколько раз обманывалась я!  
Все марево, и пыль, и шорх полевок...  
Река отодвигалась от меня  
И жаждою росла неутоленной.

И вот когда совсем невмоготу  
Мне стало — вдруг открылась вся для слуха,  
Окликнула на крепнущем ветру,  
Заахала, заокала над ухом.

И вся она — до плеска тальника —  
Сверкание и трепет, волны, пlesы —  
Была бела, черна, и глубока,  
И неоглядна, как открытый космос.

2006

ЗНОТАС АН

Любовь зовет нас в Планету свободы  
— любовь зовет в любовь всех, кто с ней  
меняет ее любовь свою, да ибо велико  
волнует мышленье, что настало судьбы!

Любовь зовет нас в Планету свободы  
— любовь зовет в любовь всех, кто с ней  
меняет ее любовь свою, кто настало  
волнует мышленье, что настало судьбы!

Любовь зовет нас в Планету свободы  
— любовь зовет нас в Планету свободы

Любовь зовет нас в Планету свободы  
— любовь зовет нас в Планету свободы

Любовь зовет нас в Планету свободы  
— любовь зовет нас в Планету свободы

Пахла вонью ржаного, вспыхивал яблони сад — это все и  
такой мир спокойно-счастливый, спасенный отчуждением  
и от злобы и страха смерти, думали и знали, какой путь  
Что дальше ждет — спасение или смерть, и как выглядит и

И первые годы издавались над

## НА ЗАТОНЕ

Вода спадала. Пахли тиной вербы.  
Но где вела дорога в глубь лугов,  
Синели волны, свет бежал по веткам  
Полузатопленных разливом тальников.

Я встала там, где камни обнажились.  
Меж них крупинками речной песок желтел.  
Сеть из тончайших золотых прожилок  
Дрожала на чуть плещущей воде.

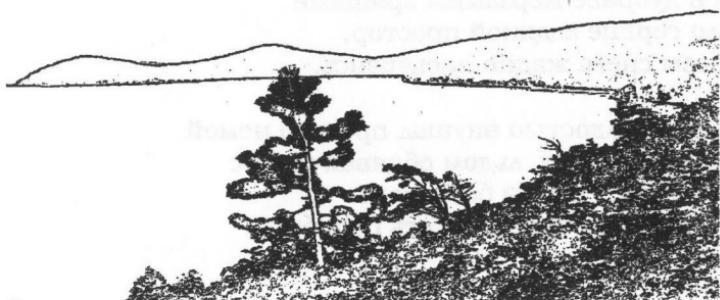
И чайки с песнями рыбачили над поймой,  
Белели по зеленым островам.  
Вдали, подняв плавник, заросший лесом  
темнохвойным,  
Врезала синь Дуденева гора.

И запах свежести с затона, с темных стариц,  
И дух цветенья, влажной теплоты  
Разволновал, разбередил прапамять,  
Где спит былое в гнездах золотых.

И сквозь пейзаж знакомый и привычный  
День проступил в слезящейся дали:  
Вернулся голубь с веткою масличной.  
И Ной узнал: вода сошла с земли.

О сердце, беспокойное, живое,  
Ты все вместило: и простор веков,  
И серебро библейского прибоя,  
И черный плеск библейских тальников.

28 мая 2010



## ОКА ЗИМОЙ. ПРОСТОР

Мы шли заснеженною поймою Оки,  
Где травы сохлые под ветром прозябали.  
Над всхолмленной равниной тальники  
Всходили медденными красными дымами.

Слепящей красоты своей стыдясь  
Перед замершим, чахлым и унылым,  
Вода протоков, подо льдом струясь,  
Лишь изредка на волю выходила.

Но так пронзителен и темен был прогал,  
Казалось: черный лебедь зло и хищно,  
В снегах поднявшись, шею выгибал,  
И в страхе падал мерзлый куст-язычник.

А ветер задувал с далеких гор,  
Звенел в дубраве мерзлыми хрящами.  
Вдыхало сердце ледяной простор,  
Свеченьем снега жадно насыщаясь.

Но вместе с радостью внушал простор немой  
Смертельный страх, льдом обдавая ребра:  
Навеки слиться с этой белизной,  
Сухим и желтым травам стать подобной.

И веял гибелью легчайший снежный прах,  
Гонимый силою неведомой издревле.  
Недосягаемы, темнели на горах  
Мглой синеватою покрытые деревни.

И чувство острого, печального родства  
С дубравой мерзлой, с черною протокой,  
Стеклянной дрожью зыбкого куста,  
С дымами этих деревень далеких

Пронзило вдруг. Вот так же предок мой —  
Рыбак, охотник — шел, и так же стыли горы.  
И сердце ужасом сжималось и тоской  
Перед величием полунощных просторов.

21 марта 2011

жары блестит бледнота пальмовых листов.  
Сквозь дымки бледноты бледно-зеленой  
вздоховит ветерок, вспыхнувший  
бледной звездой на небесах.

\*\*\*

Есть дикий сад на берегу Оки  
(Он муравьями разве что исхожен,  
Да изредка заглянут рыбаки) —  
Остаток сада райского, быть может.

И в ярый зной, когда цветы лицо  
От солнца прячут в темень травных складок,  
Здесь яблони хранят, как мать птенцов,  
Под ветками хрустальную прохладу.

Проточный воздух зачерпнув рукой,  
Здесь пьешь и пьешь, не утоляя жажды.  
Здесь время медлит золотым жуком  
В листве шумящей, и густой, и влажной.

Так сладко пахнут паданцы в траве  
И жизнь идет таким неспешным шагом,  
Что можно, подбородок подперев,  
Сидеть веками на стволе шершавом.

Смотреть, как, раздвигая берега,  
Из синей дали вдоль лесистых склонов —  
Качая отраженья звезд, — Ока  
Спешит потоком света неземного.

Сквозь огромное царство — сквозь деревенский пыль.  
Люб в окрестах деревни вспоминал —  
Сквозь синеву, сквозь дымки  
Сквозь сиреневые облака, сквозь синеву.  
Сквозь синеву, сквозь синеву, сквозь синеву.

## ЖЕЛНИНО

Громада красная водонапорной башни  
Средневековой крепостью, а выше — синих туч клубы.  
И состязаясь мощью с великаншей,  
К обрыву подопали желнинские дубы.

Склон укреплен, вцепился желтый донник в глину  
Меж плит и бьется, будто гаснущий огонь.  
Внизу, где камня белого обломки, над стремниной  
Наклыстом ловят узкую чехонь

Удилища длинны и гнутся над водой,  
И то одна леса просвищет, то другая,  
Горячий, плотный воздух рассекая,  
И бакен поплавком во влаге золотой.

18 июля 2011

\* \* \*

Мне на горькие дни сберегает печальная память,  
Словно старая мать медяки для своих бесталанных детей,  
Заливные луга вдоль Оки — стоит шагу прибавить,  
И июлю колосья травы достают до кустистых бровей.

...И мне снова шесть лет. Вся раскрыта речная долина  
И сухими глазами глядит в ястребиную высь.  
И летят семена на горячие древние глины,  
Что, как губы от солнца, растрескались и запеклись.

О, как все мне казалось огромно, таинственно, страшно:  
И слепящий простор, и сторожкая поступь мышиной семьи.  
А вокруг облака громоздились, как древние башни,  
Зависая над пропастью жаркой бездонной земли.

По кирпичику ветер неспешный, немой работяга,  
Вечный каменщик свода небесного, без мастерка и  
стропил,  
Лишь единственным дыханьем, прозрачной чудесною тягой  
Разрушал то, что сам возводил и воздушным раствором  
крепил.

А потом — словно пламени выплеск —  
с течением солнце боролось —  
Будто огненных ягод рассыпали щедрую горсть,

Там огромное озеро — синий сверкающий полоз,  
Всё в огнистых оранжевых пятнах —  
скользило, свивалось, лилось.

И скользились стрекозы, повыгнув тела нитяные.  
И росла, и струилась озерной травы борода.  
Запрокинувши головы, плыли цветы водяные  
И поили округу прохладой с осколками черного льда.

Задохнуться от счастья не дай мне, о память, дай раздых!  
Там лисой уходило закатное солнце в леса.  
Там ложились стрижи с тонким криком на розовый воздух  
И в руках рыбаков напрягалась и пела леса.

Помню запах осоки и жирного ила на стеблях,  
Плеск в тумане невидимой серой, зернистой воды.  
Дед с отцом из палатки ныряли в рассветные дебри,  
Где, руками закрывшись, от холода плачут цветы.

Эта медь, серебро, тихих вод долгожданная милость,  
Эти карпы, лещи, обитатели злыkh омутов...  
Ржаво-красная рыбина вся изгибалась, и билась,  
И дышала крючками разодранным ртом.

Я бежала бегом, выгибалась небесная чаша,  
И темнели лицом все цветы — приближалась гроза,  
Мир кровав был, прекрасен и страшен.  
Мир смотрел на меня, диковатые щуря глаза.

И наитьем звучали по дереву беглые капли,  
И корежило ветки, и даль отливалась слюдой.  
И бежал белый ливень, и прыгал на острые камни.  
Тело древнее глин наливалось живою водой.

...Только это и есть, а на что мне еще опереться  
В этой тающей жизни, большими ночами, когда  
Словно колокол бухает от напряжения сердце  
И тоскливым гудком отвечают ему поезда.

И настанет мне срок.  
И стрижом, что летит по извечному синему кругу,  
Пронырну в глубину... Снова запахи луга и мёд...  
И закатным лучом озарит напоследок округу —  
Что душа собрала в узелок и с собою возьмет.

22 сентября 2006

Был призрак или человек, склоняясь к земле, крепко хватал за щеки, чтобы  
вздохнуть, простираясь, словно от бледнущей  
жизни, устремленной к смерти, — и вспоминало мгновение, когда  
все было ясно и ясно было несчастье.

### В МОИХ СЛОВАХ ПРОБЫЛ СТАКАН ВЕЧНОСТИ **ВОЛХВЫ**

Был призрак это или человек,  
В дому, в тепле не находящий места?  
Что гнало в сумерки его, под мокрый снег,  
В поля под белым небом, неизвестно.

Чужую душу разве объяснить?  
Мерещилось, в просторах этих стылых  
Он, как и мы, хотел тоску избыть,  
У ледяной реки набраться силы.

Он пересек дубраву, постоял  
На взгорье, продуваемом ветрами.  
Вороны черные у заметенных ям  
Чего-то терпеливо ожидали.

Большое озеро дышало тяжело,  
Едва заснувшее, вновь возвращалось к яви,  
В дурманное январское тепло,  
Мучительно чернея полыньями.

Травы сухой был горестен язык,  
Но непонятен, как черты и резы.  
Вот незнакомец устремился напрямик,  
По льду озерному — к реке дорогу срезать.

Снег сек лицо, весь в проблесках дождя,  
 Жемчужные его сияли низки.  
 За путником отчаянным следя,  
 Вороны перелетывали низко.

Нам в храм бы! В тонком сене золотом  
 Там вол Младенца согревает в яслях.  
 А мы рвались к реке. Оставив холм,  
 Спустились к озеру в предчувствии неясном

За путником, маячащим едва,  
 В мерцанье, в напряжении стихии.  
 Январский дождь нас, видно, свел с ума,  
 Заговорили тростники сухие.

Покров был рыхл и желт, вокруг над слоем льда  
 В следов цепочке, показавшей путь нам,  
 Светила тускло стылая вода,  
 А по закрайкам обдавала черной жутью.

Вот-вот трясиной разойдется лед,  
 Но вспять не повернуть — по рыхлой корке  
 Нас темный шепоток толкал вперед,  
 Не бес ли взгромоздился на закорки?

Дубы смотрели и сжимали кулаки,  
 На их железных лбах вздувались жилы.  
 То Богородицу звала я: Помоги!  
 То духов озера нас выпустить просила.

Господь не выдал, не взяла вода.  
 На миг зарницей полыхнули дали.  
 И незнакомца скрыла снежная грязь,  
 И вот он в белом мареве растаял.

Еще дрожали руки, сердце билось глухо, тяжело.  
Снег перестал, тростник светился ржаво.  
Тяжелой крашеною тканью кубовой  
Под ветром небо билось над дубравой.

И вот среди прозревшей тишины,  
Сменившей шум бесовского прибоя,  
Открылся путь в полях, которым шли волхвы,  
Ведомые таинственной звездою.

16 января 2011

Словно лебеди летят вдаль синцо, словно каскады синя  
Водопады горы, словно корона золотой держат землю  
На душе моем ощущение обрывистых склонов сияет  
Родники текут из глубин, как зеркала зеленые доли.

Невысокий холм вдали, склонившись к воде темной  
Словно купа, словно обнаженная мать величавая.  
А дальше — \*\*\* — словно залог под землю в этот каменный Октябрь  
Струи, словно вспышки, словно вспышки. Словно горы вспышки.

Я выросла среди шумящих рощ,  
Я помню молнией сожженный дуб священный,  
Озера в карстовых жилищах — вглубь нырнешь  
И попадешь в бездонные пещеры.

Красна от жара на поверхности вода —  
Настой на солнце и прибрежных травах.  
И будто неземные существа,  
Когда плывешь — становишься янтарной.

Я ощущала, напрягая слух:  
Мир жизнью сверхъестественной наполнен,  
К источнику любому светлый дух  
Приставлен — расчищать от веток горло.

И у деревьев есть хранитель свой,  
Язык познавший ручьевой и птичий,  
Шурша листвою, тихой стопой,  
Обходит бор заботливым лесничим.

Мы с ним любили сесть на мшаном пне,  
Следить за ящеркой, остановившей время,  
За тем, как крепнут мускулы корней,  
Готовых биться с бурей, с диким зверем.

Я у него учились наблюдать,  
Ступать неслышно по камням, по травной вязи,  
Из опасения нечаянно порвать  
Тончайшие невидимые связи.

Он уводил меня тропою, и луга  
Ложилась под ноги мне вышитым атласом.  
Мы шли к Оке, чьи помнят берега  
Животных-исполинов с шерстью красной.

Там ветер солнечные ташит невода  
По дну песчаному, по глине старых лежбищ,  
Выкальвает дикая вода  
То бивень мамонта, то желтый клык медвежий,  
То острогу из-под замшелых плит,  
То амулет из-под излучин корня  
Славянки древней, что веками спит  
Под одеялом из сосновой хвои.

Я слушала дыхание Оки — теченья, оползней  
И туч, растущих густо.  
Я наполнялась силою стихий,  
Так ливень яростный переполняет русла.

Закрытое природой на засов  
До самой обнажалось подноготной.  
Я прирастала памятью лесов,  
Морей исчезнувших и вымерших животных.

Там, у реки, лесному духу друг  
И родственный всем силам и стихиям  
Поэзии свободный, вольный дух  
Явил себя в просвете далей синих.

Стоял, смотрел, как жнут стрижи небесный клин  
И жаркий ветер бьется с тальниками.  
Он дал мне знак и я пошла за ним  
По краю вод слепящими песками.

24 августа 2012



Следует отметить, что в русской поэзии есть и другие виды пейзажа, отличные от пейзажа природы. К ним относятся пейзажи быта, пейзажи общества, пейзажи души и т.д.

## РЫБАЧЬИ ДОМИКИ

Рыбачьи домики на берегу Оки —  
Вагончики, дощатые хибарки,  
И неказисты, и невелики,  
Повыстроились табором цыганским.

Мне близок грубый, временный уют  
Кострищ, становищ на речном обрыве.  
Лучи слепящим светом в стены бьют,  
И красный ветер жарок и порывист.

Речного братства бьется пестрый флаг.  
Я под защитою земли, воды и неба.  
Вот и во мне заговорил рыбак,  
Дух предка, мудрый, сильный и умелый.

Не от него ли тяга к воле у меня?  
Остаться бы, срастаясь постепенно,  
С рекою, чувствуя биение бытия  
В движеньи тальников, волн и пены.

За чудо каждый почитать ломть,  
Рыб пойманных, дни, равные столетьям,  
И втайне ждать, когда придет к реке Господь  
И знаком позовет оставить сети.

Онко, склоняясь, вдруг оторвал пальцы от глади  
И покраснел от боли с головы до кончиков пальцев.  
С этими словами и жестом он молча удалился.

— А теперь? — спросил я.

— Кто же на земле живёт?

\* \* \*

Луга пустынные, дубравы, сосняки.  
От жизни, что здесь прежде бушевала,  
Племен воинственных, остались костяки  
В могильниках вдоль русла праоки,  
Следы становищ в золотых увалах.

Ножи из бронзы, копья, топоры,  
Сосудыбитые да каменные зерна —  
Для тризны злаков щедрые дары.  
Кто здесь уснул, того ручни с горы  
Оплакали, отпел тростник озерный.

Но ни один металл и кости, нет,  
Не только зерна, спекшиеся в камень,  
Осталась тайна, некий темный след,  
Мерцающий, влекущий душу свет,  
Сродни чуть различимому дыханию.

И я волнуюсь, чутко уловив  
Зов прошлого, плавающий над лугами.  
Горяч песок в корнях коряевых ив,  
Что сов скрывают, ветви уронив,  
И горек запах серебристой влаги.

За тальниками дышит резко и свежо  
На белом, выстланном песком слепящем ложе  
Река языческим древнейшим божеством.  
И кучевые над горбами низких гор,  
Луга пронзительно зарницами тревожат.

Сюда мой пращур приходил с мольбой,  
Просил улова, и с косы песчаной  
Под чаек крик свой член берестяной  
Толкал, пытаясь одолеть прибой.  
Ока сияющим лежала океаном.

Ей края не было — и от любой орды,  
И от любых напастей защищала,  
Замкнув в кольцо сверкающей воды  
К обрывам подходящие сады.  
Не здесь ли, Господи, времен земных начало?!

11 марта 2013

Сквозь и висят эти годы, изменившият об  
ыход из жизни моих мечтателей, моих си-  
ноческих мальчиков, вынужденных сидеть  
другими глазами из-за того, что Их  
зажегают изменившиеся огни жизни и глу-

## СЕЙМА

Песком засыпанное прошлое земли.  
Влекут меня следы стоянок древних,  
Где тени пращуротов, окаменев, легли  
У черных стариц в ежевичных дебрях.

Вот здесь, в просторных сейминских лугах  
Шел пир кровавый близ реки равнинной,  
И дюна золотая сберегла  
Хоромы мертвых в потайных глубинах.

Их положили там, где тальники  
Над пойменной террасой ветром дышат,  
Чтоб величавый голос праоки,  
Божественно-прекрасный, был им слышен.

То были воины. И бронзовый клинок  
Или копье разящее в могиле  
Оставили, воткнув в тугой песок:  
Да будет под рукой в загробном мире.

Тысячелетия, храня их тонкий сон,  
Виденья, пахнущие солью и польникою,  
Синели горы и во тьме ночной  
Парили совы на пуховых крыльях.

Переливался бархат диких трав,  
Тянуло холодом из ям, где брали глину.  
И едким дымом от рыбачьего костра.  
И остро шкурами, жильем полузвериным.

Ни хищник, ни разлив не разорил,  
Не разметал и не расхитил ветер,  
Не тронул человек чужих могил,  
Благовея перед тайной смерти.

Но люди новые пришли в луга,  
Времен всеразрушающих солдаты.  
И тьма на золото песчаное легла,  
И в грудь земли ударила лопата.

Но вход запретный в прошлое раскрыв,  
Оружье взяв и черепа обмерив,  
Что сокровенного узнали мы о них.  
Чьи кости процвели зеленым хмелем?

Кто был их роду-племени вождем?  
Из Индии? С Уральских гор угрюмых  
Они пришли или в грозу с затмившим свет дождем  
Пробили молниями сейминские дюны?

Лишь озареньями приходит знанье к нам.  
Когда бы древних путь открылся мне однажды!  
Ответь мне, Господи, от них ли в сердце жажда —  
Любовь к Оке, к ее сверкающим пескам?!

18 марта 2013

Сквозь ветви, сквозь камни  
Легко плавать, мы же молоды сильны  
Дорога к озеру то чистая, то мокрая.  
Несколько раз мы смеялись, плавая в озере.

## ЛЕТО НА ОКЕ

\*\*\*

Уходить пора. Но оторвешься разве  
От реки — оставит дотемна.  
Под обрывами, где камни в глине вязнут,  
Светом кромка вод обведена

И сияет как металл при резке.  
По колено в блеске рыбаки.  
Светятся удилища и лески,  
Отливают красным тальники.

Светел берег противоположный,  
Моет косы, распустив, река.  
Горы ящером ползут на ложе  
Мергелей, песков, известняка.

На окаменелой лапе грубыи,  
Лесом застраивающей густым,  
Птицею с птенцом золотоклювым  
В листьях, в хвое Дудин монастырь.

Вот Оки светящееся тело,  
Что закату отдано во власть,  
Просветлело разом, потеплело.  
Млечным жемчугом река обволоклась.

Дорога в озеро в камнях и  
Быстро движется серебристо-блестящий  
Легко плавать, мы же молоды сильны  
Несколько раз мы смеялись, плавая в озере.

Режет жемчуг катер-быстроходка  
Мимо стариц в шумных рощах ив,  
Темные резиновые лодки,  
Будто листья лилий водяных.

Правят на Горбатов. Дали влажны,  
Грузных облаков густеет слой,  
Наливают глухо и протяжно  
Ящер-горы черной синевой.

Медленно из туч прогретых каплет,  
Но не дождь, а молоко и мед.  
Дух реки, оборотившись цаплей,  
Ноги в струнку вытянув, плывет.

И Господь, свои оставил притчи,  
Хочет к нам, так искренне раскрыт.  
Воздухом, свеченьем необычным,  
Синими горами говорит.

*27 августа 2013*

вздохом об-дыхаю туманом синим  
и ясного холода с цветами синими  
и розовыми вспышками синими  
и бледной бледной пурпурой синими

## ЗАКАТ В ДУБРАВЕ

Есть что-то материнское в дубравах  
У тихих застраивающих озер,  
В шуршании покорном листьев падых,  
Скрывающих просветы зверых нор,

Вот в этих ржавью тронутых калинах,  
Что днями вдоль ручьев устав идти,  
Садятся к вечеру на травянистых гривах,  
Блаженно ноги в воду опустив,

В звенящем золоте трещоток и смычковых,  
Во вздохах-выдохах глубокой синевы,  
Что, может, раньше птиц и насекомых,  
До воздуха еще сотворены,

И в темных запахах коры, копящих зноя  
В шероховатостях и трещинах тепло,  
Сочувствие пронзительно живое  
К нам, слабым, падшим явственно слышно.

И кто поверил в белый берег рая,  
В дубрав, озер нездешних красоту,  
Тот скажет: Богородица светает  
Сквозь сумрачно закатную листву.

\* \* \*

Песчаная дорога вдоль Оки  
Бела от света, облака кочуют.  
Не счастье ли — катить, блаженно щурясь,  
Следя сквозь зелень сосен, ивняки  
Несхожую с людскою жизнь речную.

Сыпучие обрывы сплошь желты,  
Тальник к воде торопится с поклоном.  
Сухие корни лезут сквозь пластины,  
Где оползни угрюмо шли по склонам.

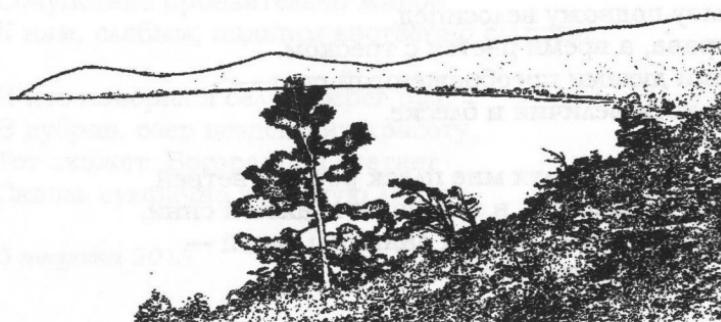
Рыбачьи домики над самой крутизной,  
Землянки тесные береговушек.  
Репьёвый пух шарами копит зной  
И на перины в птичьи норы сушит.

К обрыву подвожу велосипед.  
И не трава, а время рвется с треском.  
Речными духами преображеный свет —  
Ока во всем величии и блеске.

Нет, не насытит слух мне плеск речных ветвей,  
Вон там, за мысами, в звенящей влажной сини,  
Ока от Клязьмы — давней даниницы своей —  
Берет дары — простор ее и силу.

Дышу, речным ветрам отворена,  
Не уголить мне этой жажды... не иначе,  
Давным-давно когда-то я была  
Водою окской, золотым песком горячим.

31 августа 2013





## СПЛОХИ

## РОДИНА

С кривой усмешкой город зоной звали,  
А нас, сроднившихся с его большой душой,  
Считали смертниками, стадом на закланье,  
Заложниками химии Большой.

Бичи и пришлые, грязь, белое отребье,  
 Жизнь волочившие, как непосильный груз,  
 И мы, наследники крестьян малоземельных,  
 Все были связаны прочнее кровных уз

Дзержинским воздухом, дурманным и зловонным,  
 Что жизни затмевал и мысл, и суть.  
 Он легкие сжигал, давил на ребра,  
 Плитою каменною нам ложась на грудь.

Не солнце — смерть нам опаляла лица.  
 Свинец копили в листьях дерева.  
 И на заре в химической столице  
 Росой кровавой плакала трава.

И были мы свидетели живые  
 Закатов — им подобных в мире нет —  
 Химической безумной феерии  
 Косматых огнедышащих комет.

Мы жили мифами, мы обреченно знали,  
 Что сами станем мифом в свой черед.  
 О, эта гордость — дикая и злая,  
 Мол, ничего дзержинских не берет!

Пах дым твой, родина, тоскою чернобыльной,  
 Губителен ветров твоих посев,  
 И все же эту землю мы любили,  
 Всей черной кровью к ране прикипев.

Мы за спасеньем шли к приокским лозам,  
 Забыв гордыню, злость свою и спесь.  
 Мы с жадностью речной хватали воздух  
 И выдыхали: «Господи, ты есть!»

## ГОРОД Д. ПЕЙЗАЖ

С Оки приходит ветер с темным шумом,  
Метет в глаза песком и мелким сором.  
Империи раздробленной осколок  
Ножом заржавленным затерян город в дюнах.

Не для него ль река трудилась даром  
И грузы на горбу своем носила?  
Не для него ль деревня собирала  
Безропотную ломовую силу?

Хрустальный череп неба сотрясая,  
Гиганты строила, грядущего во имя,  
Барачная, голодная, босая,  
Но гордая свершеньями своими.

Повысохли подрубленные корни  
Рабочей гордости, шелка знамен померкли,  
И почернело золотое горло  
Гремевшей славою трубы победной.

Дремучая трава растет огнем стихийным,  
Трамвай сквозь редкий лес, трезвоня, громыхает.  
Верхушки сосен черные, сухие,  
Как будто змей их опалил дыханьем.

Пейзаж окрестностей, сравнимый разве с лунным,  
Наследие химической столицы, —  
Градирни, карстовых провалов лунки,  
В пустыне рыжей ядом торф дымится.

И на закат в индейском оперенье  
Под крики ласточек, что с древним плачем реют,  
Глядит с торца хрущевского творенья  
Апостол химии — косматый Менделеев.

*17 августа 2012*

Легко ли вспомнить прошлое, когда прошлое живо и ярко? И Тишина может быть звеном в этом прошлом, когда чистота и ясность, когда любовь и забота, когда чистота и ясность, да при этом все это вспоминается без какой-либо фанатики? Такое ощущение от воспоминаний, которое я испытываю сейчас.

Легко ли вспомнить прошлое, когда прошлое живо и ярко? И Тишина может быть звеном в этом прошлом, когда чистота и ясность, когда чистота и ясность, да при этом все это вспоминается без какой-либо фанатики? Такое ощущение от воспоминаний, которое я испытываю сейчас.

Легко ли вспомнить прошлое, когда прошлое живо и ярко? И Тишина может быть звеном в этом прошлом, когда чистота и ясность, когда чистота и ясность, да при этом все это вспоминается без какой-либо фанатики? Такое ощущение от воспоминаний, которое я испытываю сейчас.

Легко ли вспомнить прошлое, когда прошлое живо и ярко? И Тишина может быть звеном в этом прошлом, когда чистота и ясность, когда чистота и ясность, да при этом все это вспоминается без какой-либо фанатики? Такое ощущение от воспоминаний, которое я испытываю сейчас.

*20 марта 2013*

## ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕЩЕЙ. МОЗАИКИ

Темный ветер с реки шел со мной меж знакомых домов,  
Винный запах земли, после долгой зимы непривычный.  
Вышел месяц каленый и вот широко и светло  
Озарил на торце юных дев хоровод мозаичный.

Сарафаны из смальты и косы, колосьев желтей, —  
Богатырского племени девы — на зависть Брунгильдам  
заморским, —  
Среди жарких рябин гармонист с рыжим чубом и Лель,  
Берестяным рожком на заре выкрикающий солнце.

Это отблеск империи, память заглоших времен,  
Занесенных песками подобием остовов ржавых  
Кораблей на хребтах онемевших от горести волн —  
Желто-красных барханов пустынного моря Арада.

Это отзвук эпохи гигантов — так поступь была тяжела,  
Что земля не держала, и шагнули тогда дерзновенно  
Из уютной земной колыбели, с треском полог небес  
разорвав,  
На косматый, угрюмый и яростный ветер Вселенной.

И ломали и гнули земное свое естество,  
Чтоб к Медведице в логово, чтобы со звездами вровень!  
Посмотреть, есть ли Бог, где скрыто жилище его  
В звездном хвойном бору, в полыхании огненной хвои.

И когда ненадолго из странствий они возвращались под  
кров,  
Вновь к грохочущим стройкам, к полям, золотому  
дыханью земному,  
Оставляли на память зарубки на стенах домов —  
То космический спутник, то радостный лик Терешковой.

Я ребенком по ним находила дорогу домой,  
Я читала эпоху героев, питаясь их пламенной верой,  
И наяривал песню лихой гармонист молодой,  
Пел о руссах от Леля до ярой космической эры.

Пусть же девы идут хороводом, на счастье, им знать не  
дано,  
Что погибший их мир погребен, и отпет и оплакан.  
И вот-вот экскаватор — исчадие силы тупой  
Загребет их своей равнодушной ухватистой лапой.

31 мая 2013



## МАМА УШЛА В ЛЕС

ЛЕС

Ты так любила лес... Вставали до восхода,  
На электричку первую спеша.  
Нет, не дарами нас влекла природа,  
Ты говорила: едем подышать.

Ты так и видишься: на тропке в травах сочных.  
 Счастливая, вбираешь дух лесной.  
 Слепит глаза прохлада белой рощи,  
 Орешник, весь зелено-золотой.

Спешишь, худая, в стареньком плашишке,  
 В видавших виды кедах и платке.  
 Ешь на ходу, под взглядом елок пышных,  
 Хлеб пахнет лесом у тебя в руке.

Как слово «смерть» не вяжется с тобою!  
 Глаза мне застит дождевая мгла.  
 Нет, ты ушла таинственной тропою,  
 Что в мокрых колокольчиках легла.

И там, где солнце сеть на травах вяжет,  
 Ты, меж стволами тихо растворяясь,  
 Дыханьем леса став, густым и влажным,  
 Со всем живущим сохранила связь.

Мне скажут: вымысел... Но на лесной опушке,  
 Случится, свежим ветром опахнет —  
 И обомру, боясь пошеложнуться,  
 Вдруг ощущив присутствие твое.

25 сентября 2009

шум в лесах сквозь южные дымы сухой  
листвой, хлопотами и шипящими южными  
чурками, гладкими зелеными в тенистой  
лунаюю то чистоту знакомой.

### СЕНТЯБРЬ В ГОРБАТОВКЕ

Проехал колесом железный год.  
И вот сентябрь идет по дну дубравы  
Под выстрелы с желтеющих болот,  
Шурша листвою высохшей и ржавой.

Все будто бы по-прежнему кругом:  
Скрипят мостки над речкой маловодной,  
Тропа ребенком под гору бегом  
К залатанным домишкам садоводов.

На дачах в тонком плеске тишины  
Подернутые паутинной мглою  
Восходят флоксы дымом ледяным  
Над черной опустелою землею.

Я, в прошлое воздушный строя мост,  
Пустым проулком в стеблях худосочных  
Спешу туда, где в глину боком врос  
Зеленый, век знакомый мне вагончик.

В нем в зной, как в печке, было горячо.  
Служила крыша галкам наковальней.  
Сквозь щель проникнув солнечным лучом,  
Среди корзинок ящерки сновали.

Вспять, время, вспять! Опять июль в меду,  
И пчелы шебуршат в цветочных донцах.  
Вот-вот и мама выйдет, на ходу  
Повязывая голову от солнца.

И мы пойдем тропинкою в полях  
В прибое света, истовом и алом.  
Как горяча и велика земля!  
Колосья пышут золотом и жаром!

Из-за холмов, где прячется Ока,  
По синей зыби с млечными краями  
Нам поплынут навстречу облака,  
Покачиваясь белыми ладьями...

Закрыт вагончик. Заржавела дверь,  
Перекосилась древнею корягой.  
Не выйдет мама. Мама там теперь,  
Где дышат корни, насыщаясь влагой.

Пойду одна на выжженный бугор,  
К пустым полям, к тоскующей дубраве.  
О невозвратном, милом, дорогом  
Рыдает даль, продутая ветрами.

31 октября 2009

Все это послало календарную тройку  
Сквозь туман, туман сквозь туман, и вон из  
Сквозь туман сквозь туман, и вон из  
Сквозь туман сквозь туман, и вон из

## ОБЛАСТЬ СУМЕРЕК

Давно когда-то услыхала я,  
Что ангел смерти заревою ранью  
Из мира чью-то душу унося,  
Крылом многоочитым близких ранит.

Мерещилось мне страшное крыло  
И я средь разговора холедала.  
Не стало мамы. Черным сквозняком,  
Как видно, и меня в тот день задело.

И люди, чуждость чувствуя мою,  
С опаской отступали, как от края.  
Так гибельную чувствуют струю,  
Когда состав проходит громыхая.

23 декабря 2009

Ветер, ветер, и птицы кричат, и мгла  
Словно грустная женщина, поклоняется  
Изможденной земле, вспаханной  
Свирепой волной, измученной.

## КРАСОТА МЕРТВОЙ ТРАВЫ

Мне дом чужой приют тревожный дал.  
Тяжелый сон свалил медвежьей лапой.  
В сырое утро, как во вражий стан,  
Я выбралась измученной и слабой.

Коряво яблоня вмерзала в небосвод.  
Глаза слепили снеговые дали.  
Сухие травы, наклонясь вперед,  
Как путники, простор одолевали.

И душу охватила немота.  
И как сквозняк прохватывает тело,  
Меня насквозь пронзила красота  
В прибое белом стынивших растений.

Казалось, прежде покрывала мгла  
Их, в черной пребывающих печали.  
Знать, волны уловить я не могла,  
Что мертвые растения излучали.

Но в горе, в неустроенности злой  
Во мне смешилась роковая мета,  
И вдруг доступен стал сокрытый слой  
И переливы мертвенного света.

И эти всплески иллюзорной тьмы,  
И шорохи: шел слабый ветер низом,  
На черном грубом бархате зимы  
Сухих семян пересыпая гильзы.

Среди огромных черно-белых снов  
Стояла я растерянным ребенком,  
И с запахами дыма и снегов  
Срасталась я болезненно и тонко.

И паутинно трепетала связь.  
И думалось: все в мире справедливо:  
Коль в вещном мире отнято у нас,  
Прибавится нам в тонком и незримом.

*9 марта 2010*

\* \* \*

Скорбное смижение природы.  
Жизнь на паутинном волоске.  
И следы распада и ухода  
На камнях, на глине, на песке.

То, что в родах корчилось от боли,  
Пробивало землю и цвело,  
Станет грязью, перекатной голью.  
Пересыплет время крупной солью,  
Перепишут зимы набело.

Что ж ты обмерла, певунья-птаха,  
Ужас перед вечностью тая.  
То, что из земли пришло, из праха,  
Забирает вновь к себе земля.

*5 сентября 2006*



## ЧЕРНОМОРСКАЯ ТЕТРАДЬ

### КАВКАЗ

Заброшенной дорогою по кромке,  
По желтой насыпи мы влезли на откос.  
И встал Кавказ — гигантские обломки  
Когда-то рухнувших с небесной тверди звезд.

И были тенью плотною покрыты  
Ущелья дикие в нетронутых лесах,  
Где по камням корявые самшиты  
Шли в моховых зеленых торбасах.

Нам было видно с плоской седловины:  
Вдали хребет был четко огранен  
И изнутри светился млечно-синим,  
Тревожным, странным, неземным огнем.

То угасал, то вспыхивал кроваво;  
Казалось, шла гроза внутри горы:  
Звезды погибшей сердце дотлевало  
Под тяжким спудом каменной коры.

Сгущались сумерки, и будто бы на сцену,  
Водитель звезд, познавший все пути,  
Выстраивал над нами постепенно  
Гигантский хор сияющих светил.

И черным ветром из ущелий дуло,  
И звери слух острили из ветвей.  
А горы отвечали низким гулом  
На песни древней родины своей.

29 июля 2010

## МОРЕ

От сощащего мед и смолу Уч-Дере,  
Где, проснувшись едва поутру,  
Пробираются сосны на мыс посмотреть,  
Как их тени уходят ко дну, —

До седой Головинки, чей гребень тугой  
За века истончила вода, —  
Море дивною рыбью бескрящевой  
Плавниками поводит едва.

Выгибается, силой стальною налит,  
Горизонт — ее мокрый хребет.  
Сквозь прозрачное, зыбкое тело сквозит  
Золотыми зигзагами свет.

Что за мысами, слева и справа, бог весть,  
Вряд ли то, что мне атлас открыл.  
Иногда мне мерещится: стянутый здесь,  
Там — скалой обрывается мир.

И Господь мне оставил лишь кромку земли —  
Гор, разрушенных смерчами, прах,  
Где купальщицы, в ящериц обращены,  
Цепенеют на жарких камнях.

Сибирь вспомнила свою историю  
Ильинская волна в сибирской пыли  
Городские крепости, деревни и села  
Сибирь в монотонной пыльной пропасти.

### Был бы мир в минуту прибоя ШТОРМ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Не устояла — был силен удар.  
Вал оглушил и зреенье отуманил.  
И вновь тугая, мускулистая вода  
Вздымается зелеными холмами.

Но мощь прибоя все же поборов,  
Все в черном крошеве — морской кофейной гуще, —  
В осколках волн, под скрежет, гул и рев  
Встаю в бурунах, пенюю цветущих.

Я рвусь на глубину, на зыбкий склон,  
Бороться с морем, как с гигантским спрутом,  
Не только ради радости минутной —  
Ввысь вознестись на гребне водяном.

Когда преодолеть сумею страх,  
Я силу жизни заключу в стихах.

2 августа 2009

## ЧАСТЬ 8

## ОПЛАКАННОЕ МГНОВЕНИЕ

Я ногу занесла над каменной ступенью —  
И болью вдруг во мне отозвалось:  
Вот только что прекрасное мгновенье  
Благоуханной влагой пролилось.

Все так же солнце раскаляло выси,  
Висели сливы градом мелких лун.  
И лишь острей запахли кипарисы,  
Точа свою смертельную смолу.

О Господи! Как мало я умею,  
Назначенное тленью существо!  
Мне даже не дано замедлить время,  
Но дан мне дар оплакивать его.

13 ноября 2009

## В ГОРАХ

На зное сухо, остро пахнут кипарисы,  
Доносит ветер слабый запах кизяков.  
Проходят буйволы, рога склоняя низко,  
Чтоб кучевых не ранить облаков.

Вокруг горбы земли в зеленых чащах.  
В прогалах гор над шапками лесов  
Синеет море в неподвижных чащах  
Нерукотворных каменных весов.

И нет, не тяжесть красно-ржавых груш,  
Не алыча, желтее меда с маслом,  
Сгустившаяся солнечная сушь,  
А время каплями висит в садах кавказских.

22 июля 2010

Известят ли свою землю Быкотык, маки же Голубки на коньках гнут и погоняют шелкопрядов  
Сами отца да сестру альбиноса под  
шестнадцатом квадратом саженей — отсюда от эд

## ДЕТЛЯЖКА

Я помню: облаков густой и влажный лес  
Плыл, обходя вершины осторожно.  
И прежде чем на гору выше лесть,  
Селенье отдыхало у подножья.

Мы шли искать в ущелье водопад.  
Сады навстречу нам несли по зною  
Плодов, налитых светом, аромат  
Над желтою и тучною землею.

Раскачивая зелень опахал  
Над мудрою медлительной коровой,  
Куст роз сирийских жарко полыхал  
Сиреневым и розово-лиловым.

И колоколец брякал тяжело,  
Коровым вздохам и шагам внимая,  
Старинный — верно, жалобы его  
Выслушивал еще смиренный Авель.

Здесь, где от солнца плавилась лазурь,  
Людей, животных, камни и предметы  
Вмиг покрывала древность как глазурь  
Кувшин, стирая нового приметы.

Так розы истовы! Так свет слепил глаза!  
Листвы блестяща так атласистая кожа!  
Все исподволь внушало: верьте нам:  
Не то что смерть — печаль здесь невозможна.

И сердце радо б верить розам и лучам,  
От красоты хмельное и бессониц,  
Но отчего так горестно звучал  
Истертый временем железный колоколец?

13 декабря 2010

В лесах сосновых деревьями мертвые,  
Лежат под зеленою изумрудной крышей,  
Сквозь которую светят звезды.

## ГОРЫ В СУМЕРКИ

Дорогой в сумерки уходят кипарисы.  
Глаза, измученные блеском золотым,  
С какой отрадою обозревают выси  
И стелющийся по долине дым.

Я в полукружье гор. Зеленые теснины,  
А дальше — темно-малахитовы хребты.  
За ними — два горба — два горных исполина  
Молочно-синим светом налиты.

Идет от хвои красноватое свеченье.  
Вдыхаю воздух, теплой пахнущий смолой,  
С тем чувством радостного облегченья,  
С которым возвращаются домой.

28 июля 2010

Легко ли вспомнить тех, кто смеялся над ней?  
Легко ли вспомнить, что в отдаленных краях  
Соки Манго и Апельсины имелись в продаже?  
Но не легче ли вспомнить — какими звуками напоминали.

И сейчас раздолье шире, горизонт расширяется ввысь,  
Сквозь облака, вдали — Балканы.

### ПЕРЕД ШТОРМОМ

И ветер слаб, и в зыби млечной дали  
Залив небесный, обмелев, уснул.  
А море иссиня-зелеными холмами  
Вздымается, нарашивая гул.

Реликт, осколок влаги океанской —  
Тэтиса, что хребтами раздроблен,  
Раскачивает время и пространство  
Эвксинский Понт, как звал его Страбон.

С утратою границ не примирившись,  
С тоской своей не в силах совладать,  
Он, будто часть империи погибшей,  
Живет былым и гонит волны вспять.

Он грезит единением с морями,  
С кем в давние братался времена,  
Переплетаясь зыбкими корнями,  
И окликает всех по именам.

Познавший горечь царственной свободы,  
Среди степей засльша этот зов,  
В прогретой солнцем чаше мелководной  
Волнуется и мечется Азов.

Взметает брызги Мраморное море,  
Перекрывая жалкий птичий крик,  
Грохочет, заговаривая горе.  
И Каспий поднимает желтый лик.

Едва волну глазурную качая,  
Ленивая, не знающая бурь,  
Похожая на бюргера за чаем,  
Томится Средиземная лазурь.

И, слепнущий в пустынных вихрях красных,  
Вздымая ржавь баркасов, темень скал,  
Все сilitся крутой волной подняться  
По плечи вбитый в зыбь песков Араб.

Тяжелой солью полнятся проливы.  
И тяжкий гул проходит по горам.  
И призраком идет, топя долины,  
Гигантским валом древний Океан.

А Понт шумит. Взлетают волны к солнцу.  
На голышах цветущие следы.  
Штурм движется. И мне передается  
Тоска огромных масс живой воды.

Стою ли у бушующего моря,  
Сажусь ли в золотой тени ветвей,  
Во мне стоит немолчный гул прибоя —  
Единое дыхание морей.

23 августа 2008

## ВПОЛГОЛОСА СТИХИ СЛАГАЛО МОРЕ

В звенящих сумерках тропа скользнула вниз.

Смела и мед наполнили пространство.

Угадывался смутно кипарис

И веера акаций ленкоранских.

Внизу, светлее, чем воздушный слой,

Устав от ослепительного зноя,

Чуть поводя прозрачною волной,

Вполголоса стихи слагало море.

Все слушало: и золотистый град,

Воздвигнутый легко нездешней силой,

И облачные сфинксы возле врат —

В них царственное спать ушло светило.

На красном от борения с волной

И теплом теле дерева-скитальца

Мы сели у косы береговой,

Чтобы дыханьем моря напитаться.

А море пело голосами лир

Под небом, тихой нежностью налитым:

Для чутких душ всегда распахнут мир,

И красота земная им открыта.

А эта красота — предтеча той,  
И гимнами, и ливнями воспетой,  
И пьют ее горчащий мед густой  
Молитвенники да еще поэты.

И поезд медленно прошел, где проводник  
В проеме желтом с сигаретой врезан,  
И будто ножницами нас с тобой отстриг  
От мира с гулким лязганьем железным.

Осталось море, черный волнолом.  
Все остальное попросту исчезло.  
Мы дрейфовали в воздухе ночном  
В сияющую призрачную бездну.

2010

Был антипод — антипод степи  
Богатства памяти и, моменты и  
Быгут дымы Ницше-дот за твоим и  
Лицом сию вид наклоняющим.

## ЛОСОСЬ И ДИКИЕ РОЗЫ

Ю.Н.

Ты ветку дикую из сумерек принес  
С бутонами, как сливочное масло.  
И запах в комнате дал корни и пророс  
И длинным зыбким стеблем закачался.

Ты распластал лосося вдоль хребта.  
Судьба, как чайка, наблюдала зорко.  
И рыба красная на блюде истекла  
Соленой кровью и соленым соком.

Дышал в тарелке густо черный хлеб.  
Вино дышало степью, желтым зноем.  
Мы выпили и стали, поглупев,  
Почти недосягаемы для горя.

Для страха, неустроенности злой,  
Ухмылок серых, выспренных людышек.  
Как жалки их нападки для того,  
Кто голос музы в хаосе расслышал,

Кто осознал: так кратко все вокруг,  
Что впору над мгновеньем каждым плакать...  
Дыханье роз и лампы желтый круг  
Хранили нас от мрака и мрака.

И ты сказал: да будет щедр улов!  
Пусть бедность нам завещана от века,  
В раскинутые сети вещих слов  
Дал бог Поэзии ловить нам человеков.

Так будем петь, насколько хватит сил!  
И я тебе открылась, будто рана.  
И заглушил все голоса земли  
Зовущий, властный голос океана.

2 марта 2010

Былоу щаси гедуб из чистою ят и  
даже то скромное чин яточное скор  
всю холода ятко зягунисец в  
заслонице мяя аткоя антока чой арх

шю тщетка соколкия, это монд жет  
люстрилько в гозы, аче откуль дозакрите обог и в  
памят дозакрите доз амнитаси и  
заслонило зоди, выгнавши доз купус

## УЩЕЛЬЕ

Чужды тебе морских равнин просторы,  
Соленая людская колыбель,  
Зато влекут нехоженые горы,  
Медвежьи тропы, глушь, грибная прель.

Верховья рек, где заросли так дики,  
Что цепнеет в страхе человек,  
Где в красных скалах проступают лики  
И слезы льют с заросших мохом век.

Где над стремниной, камень сокрушая,  
Стоят века, обнявшись, тис и граб,  
Зеленоей ящерицей лезет вверх лишайник  
По скользким выступам во влажный полумрак.

В тебе живет неисцелимой жаждой  
Страсть по неведомому, и она сродни  
Тоске оленьей по лесистым кряжам,  
Стремленью трав пробиться из земли.

Сев под стену древнего сампита,  
Что, может быть, древнее, чем Кощей,  
Следишь, как зелень светом перевита  
Горячих папоротников, голубых хвощей.

Ты любишь миг, когда смолкают птицы  
И все живое спешно ищет кровь,  
И вещая вода в пустые бьет глазницы  
Прозреть готовых каменных богов.

Но ближе сердцу золотое предвечерье,  
Когда в горах струются дымы,  
Душа твоя тоскующим ущельем  
Глядит в непостижимость синевы.

15 октября 2010

Лирический поэтический текст о любви к природе, о восхищении ее величием и красотой. В стихотворении выражены чувства любви и страха перед неизвестностью.

Любимое звучание слова «сия» придает тексту романтическую окраску. Сияние солнца о мгновенном изумлении, о восхищении, о радости. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание.

Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание.

Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание.

Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание. Сияние солнца — это всегда яркое, блестящее, привлекающее внимание.

Любовь моя! Постой, повремени!  
Хочу запомнить каждое мгновенье.  
На грани боли красота земли,  
Усиленная близостью твою.

Еще вчера лишь бывшие мечтой  
Сегодня дышат зноем с нами рядом  
Громады буков, старый тис густой,  
Колхидский плющ и злой колючий падуб.

В ущелье дико, вечер среди дня,  
И черный дрозд поет, не зная горя,  
Что призрачно струится по камням  
Река к еще невидимому морю.

Сорвется лист, змея прошепестит, —  
Все проявление скрытых сил могучих..  
Когда б мне дал Господь перевести  
Мгновенья эти на язык созвучий!

Все станет словом: чуткий сон ветвей  
Над водопадом, тучами повитом,  
Молчание — от древности своей —  
Иссохшего, как древний йог, самшита.

Пусть это время облетит листвой,  
Пускай зима нагрянет и завьюжит,  
В моих стихах мы будем жить с тобой  
Под легким и пустынным небом южным.

И будут лики гор на нас смотреть,  
(А мне другого счастья и не надо!)  
И как сейчас нам снова будет петь  
Дождем разбуженная арфа водопада.

2009

Всё склоняется к морю вдоль берега  
Леса смыты и плавают винчи блюда  
Задору в стихах морфий им хвостатиков  
Далматиков любят мимоиступа и мимоуди юдди

отвертко сан да фи тохи турду ти  
Донец да и вылько синчук да же Ах

## СУМЕРКИ НА МОРЕ

Где в море затонул слепящий шар,  
Там в алых языках сиянье золотое.  
Волноотбойники рядами крупных жаб  
Сидят недвижно в полосе прибоя.

На теплой гальке под немолчный плеск,  
Сутулы согнув безвольно спины,  
Пьют гаснущее золото небес  
Кружком свежепросольные йогины.

Их гуру, чутко ухо приклонив  
К похожему на тыкву барабану,  
Расслабленно выстукивает ритм,  
Печальный, нежный, здесь чужой и странный.

Он их зовет к истокам, к естеству,  
Ум, взбудораженный страстями, успокоить.  
И постепенно отзываются ему,  
Покуда неуверенно, нестройно.

Вот закачались — пять живых пружин, —  
Печаль и пенье, голоса и пена, —  
У музыки и у богов чужих  
Ища на смерть похожего забвенья.

Свет угасает. Тот, кто над землей  
И небом властен, притушил сиянье,  
Давая отдых скорбной памяти людской,  
Людскому одинокому страданью.

Пловец на гальке переводит дух,  
Измученный напльвом волн певучих.  
Влюблённые молчат в морском саду,  
По плечи в черном жемчуге текучем.

Слабеет барабанов стук глухой, пустой.  
А сердце Понта бьется неустанно.  
Темно, лишь кромка моря светится сметанно,  
И кипарисы пахнут поздней теплотой.

10 апреля 2011

Жалко для счастья гибнуть тебе  
Своимо артистичным, когда же моден Н  
Бесстыдна и гумана Конфузом жадно касай,  
Любовь не даёт умственного удовольствия

## ДРЕВО ВРЕМЕНИ

Еще вчера под рев победный ветра  
Швыряла камни с круч безумная стихия.

Сегодня тихо, лишь вдали со звуком мерным  
Незримый пильщик спиливает ветви  
С живого древа времени сухие.

Я видела воочью это древо:  
Осыпанное предвечерним жаром,  
С лесистого оно спускалось гребня  
Над морем, пенно раздувавшим жабры.

Застыло царственno на полпути к обрыву,  
Сверкала хвоя винно-золотая,  
Жил звук в ветвях томяще непрерывный,  
То восходя, то резко опадая.

И я уйду, лишенная бессмертья,  
Ему же до скончания веков дышать над морем,  
Перебирая в памяти столетья,  
Уступы скал забрасывая хвоей.

17 августа 2012

Все чисто, кроме изумрудных пальм, над морем простирающихся  
и кипящими в бурном волнах.  
Сквозь сосновые деревья падают яркие  
лучи солнца, отбрасывая на берега зеленые тени.

Все это я видел в своем сне.

### ДЖАНХОТ

Над морем — скалы, первобытные леса,  
Цикады славят солнце в кронах прокаленных.  
Здесь властвует пицундская сосна,  
Кропя под ветром красной хвоей склоны.

Покой, но чуткий, мыслящий, живой,  
Дыханьем, словом можно растревожить.  
Раскрошенною каменной халвой  
Темнеют осыпи у каменных подножий.

Здесь зодчий — ветер, каменщик — обвал,  
Страшны, слепящи горных цирков полуокружья.  
Ни диким скалам, ни морским валам,  
Ни соснам красным человек не нужен.

Что он с короткой памятью своей —  
Зарницею мелькнувшее мгновенье —  
Средь древних круч и мыслящих зыбей,  
Что славят гимнами и жизнь, и разрушенье.

29 октября 2012

\* \* \*

Среди пицундских красных сосен, что дышали  
Тысячелетним жаром и смолой,  
Лепился дом к горе, укрытый хвойной шалью,  
Блестящей, раскаленной в летний зной.

Проворно речка Хотецай сбегала по уступам.  
Бурлила у камней, качала зыбь хвошей.  
Над нею шли, ущелье в тень укутав,  
Сплошные ливни золотых лиан, плющей.

И птичка, жившая когда-то в райской чаше,  
Спускалась, крыльшками трепеща, легка,  
К политым солнцем зарослям слепящим,  
Восточным, пестрым, драгоценным их шелкам.

Чуть жар спадал — мы уходили в горы  
Крутою каменистою тропой —  
В верховьях рек, в глубинах красных бора  
Искать истоки красоты земной.

Ручьи звенели по ущельям диким,  
И от избытка первобытных сил  
На белом камне наливалась ежевика  
И золото в плодах копил кизил.

На высоте, куда ни кинешь взгляд, над морем древним,  
Подобно шествующим к берегам валам,  
Шли сосны медленно, переступая гребни,  
И на ходу слагали гимны божествам.

И было место там одно...  
Трава мелела,  
Камней рассыпанных белел горячий мел.  
Сухой, как йог, корявый можжевельник,  
Уйдя в себя, среди дубов немел.

И мы садились рядом с ним...  
Даль, ограненная слепящим южным светом,  
Гул моря далеко внизу.  
И голос Сущего сквозь шум травы и веток  
В горячей хвоей выстланном лесу.

21 июня 2013



## ПСКОВСКАЯ ГЛУШЬ

БОР

Здесь вереск розовый поляны взял в полон,  
Воздушные затягивая бреши.  
Костры кочевыи, мнится, за холмом,  
И марево течет от них неспешно.

Где ветер выворотил с корнем дерева,  
Еще хранят тепло стволы живые,  
Для лакомки лесного — кабана  
Устроены лежанки моховые.

В кочках ждут косматых медведей  
Обильные черничные застолья.  
Средь красных сосен в пепле и слюде  
Отвыкшему от счастья сердцу больно.

Песок лесных загривков прокален,  
И можжевельник сизый дышит жарко.  
Улягусь на густой кукушкин лен,  
На теплую зеленую лежанку.

Стремлюсь сюда, коль дух во мне ослаб,  
Не за одною красотой и глушью.  
Здесь тоньше перепонки птичих лап  
Грань между настоящим и минувшим.

Открой мне, что таила в глубине,  
Глушь заповедная, заветная, Псковская!  
Русь древняя придвигнется ко мне,  
Сквозь дымный вереск светом прступая.

Земля обильная с младенческим умом,  
С дремучим сердцем, нравом полудиким.  
Озер полотнища с поющим тростником,  
Мед в родниках и гул реки Великой.

Спят идолы в холмах — Усад и Хорс.  
Чудские девы спят в венцах змеиных.  
Еще нет Пскова, но уже Изборск  
Готов прославить в грозных битвах имя.

В курганах спят Трувор и Синеус.  
 Крепки порогов каменные плечи.  
 Челнок бежит — то правит Ольга-Русь  
 Противу солнца Игорю навстречу.

25 августа 2010

### ЧЕРНИКА

В черничных низинах порхают лучи в полуумрак,  
Янтарные сосны покой этих мест караулят.  
И сыростью винной древесная дышит кора,  
И мох золотисто-зеленый, и частый багульник.

Здесь что-то чудесное нынче творится со мной,  
От духа соснового в сердце веселая сила.  
И лес говорит как поэт и философ хмельной  
О меде поэзии, Одине и Иггдрасиле.

Он в ягодах сизых — густой поэтический мед,  
Нектар вдохновенья, вместелище жаркого света.  
Ем горстью, не в силах насытиться, будто из сот,  
С высоких, и солнцем, и вереском пахнувших веток.

5 сентября 2010 года

И куполова слепят бруцетом и фарфором.  
Красные парчины на золотых краях  
Чешуи блестят — из чистого золота. Бриллианты  
Драгоценные камни. Чистые, блестящие.

На изголовье ложе

\* \* \*

Леса горели, русские леса.  
Напрасно ливни люди звали на подмогу.  
Обугленные тлели небеса,  
И слухи темные ходили о поджогах.

Когда ветрами развеяло мрак,  
Деревьев мертвых выступали ребра.  
И солнца красный, воспаленный зрак  
На человечий плач взирал недобро.

И, торжествуя, некий человек  
Грозил, вещая, будто небожитель,  
И страшен голос был его во мгле:  
«Ужо бегом вы к Богу побежите!»

2010

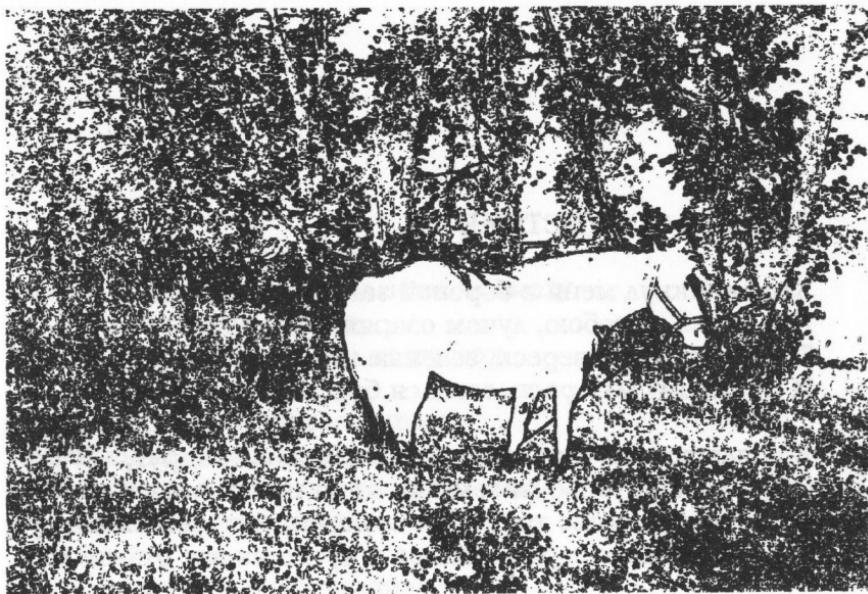
## ТАЙНОЕ СОЧУВСТВИЕ

Кто окликнул меня в боровой заповедной глухи?  
Кто повел за собою, лучом озаряя поляны?  
Только сосны и вереск, зеленые шумы вершин,  
И по белому мху расплескался брусничник багряный.

Я упала во мхи и от счастья расплакалась вдруг,  
Ощущив, как тепло из земного ядра поднималось.  
Шелестящее слово травы, речи сосен, застывших вокруг,  
Жадно слушало сердце живое и чутко на все отзывалось.

Протянулись тончайшие нити ко мне от цветов и ветвей,  
От крылатых существ и от желтых сыпучих песчинок.  
О дыхание жизней чужих, сопредельных моей!  
О сочувствие тайное сил, человеку незримых!

15 сентября 2010



желтые ворота золотые ворота  
желтые ворота золотые ворота  
желтые ворота золотые ворота  
желтые ворота золотые ворота

## У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Марина Комова

\*\*\*

Князю — рать вести во поле диком,  
Жаркой кровью поить ковыли.  
Женам оставался плач великий,  
У икон поклоны до земли.

Князю — рана от стрелы каленой.  
Князю — слава. Да редеет рать.  
Женам — погребальные пелены,  
Надрывая сердце, вышивать.

Женам — монастырь да терем тесный,  
Зелен сад за грозною стеной...  
Ангельские лики, свод небесный  
Выводить сноровистой иглой.

Тихие, несмелые речами, —  
Пусть их всех помянет этот стих!  
Неземное смертными очами  
Прозревали в келиях своих.

Чтобы переплавить боль в искусство,  
Пред святыми упадали ниц.  
Отблеском молитвенного чувства —  
Дивный свет от древних плащаниц.

Их краса не избежала тленья —  
Но хранят усталые века,  
Точно драгоценные мгновенья,  
Жемчугами шитые шелка.

Одолев забвенье и скитанья,  
Серой жизни нищее рядно...  
Так сквозь воду в солнечном сияни  
Проступает золотое дно.

10 октября 2007

## ГОРОХОВЕЦ

Детинец на горе громадным каменным гнездом,  
Под тяжестью его гора просела.  
Орда репьев, то корнем, то листом,  
На прочность пробуя, ощупывает стены.

Внутри ремонт, в раскрытую калитку красный жар  
Порывами доносит ветер, золотя рабочим лица,  
Железом грохает и, яростью дыша,  
Уходит прочь сквозь древние бойницы.

И ни монахам в кельях, ни мостящим двор,  
Ни ветру жаркому помехи нет — пустынно.  
Залесская земля, окраина, простор,  
И сосны, над речной поющие долиной..

Лишь изредка любитель старины  
Проездом в Сузdal улицей заросшой  
Поднимется взглянуть на крепость, на валы,  
На призрак града, что *татарове пожгоша*.

Каким был град? Давно омыла кровь река,  
Впитали камни гарь, а пахнет все войною.  
Проходят кучевые облака,  
Как шли и встарь над крепостной стеной.

Прожжет турист пространство вспышкой, дали оглядит,  
И дали в памяти его своей оставят.  
И снова ветер, жар, и кучевых непрочные лады  
Над Клязьмы медленным торжественным блистанием.

## РУСЬ

Русь моя! Осажденная крепость!  
Велика, видно, предков вина:  
Разжигая, как в звере, свирепость  
На тебя за войною война.

Древних идолов тащат с Востока  
(Ипостасям не видно конца),  
Все хотят нам открыть третье око.  
Запад шлет золотого тельца.

Нам не надо чужого дурмана,  
Нам довольно своей белены.  
Новой раною лечим мы раны.  
Души бедами утолены.

Видно, крепко нас любит недоля,  
Раз сердца наши ловят в силки,  
Если чистое русское поле  
Норовят поделить чужаки.

Что там в будущем: чет или нечет?  
Цвет вишневый иль чертополох?  
Встреча с Господом или невстреча?  
Белобог победит? Чернобог?

Мокошь возится с белой куделью.  
Не на саван ли нитку прядет?  
Обнимаясь с хмельною метелью,  
Русь свои навы песни поет.

## ГОРОДОВЫЙ

Летом в саду зеленеют яблони, груши и вишни.  
Под деревьями, где птицы висят, сидят люди.  
Скотинка в огородах, а в полях, в лесах, в холмах  
Скотинка в огородах, а в полях, в лесах, в холмах

\* \* \*

Дичает сад. Теряет, что копил.

Почуяв буйной силы превосходство,

По всем дорожкам разбрелись репы.

Смородину склевали воробы.

Горька и зелена вода в колодце.

Ветшает дом. Повсюду грязь и сор.

Хозяин стар, а детям — горя мало.

В углу бумажная иконка в маках алых.

И Божья Матерь горько и устало,

Прижав Младенца, смотрит на разор.

Окно распахнуто. На подоконник узкий

Колосся трав роняют семена.

И чей-то призрак дразнит трясогузка,

В пыли горячей нежно семеня...

2005

Присматривают из окна в саду пыльные вьюны.  
И дрожь в них есть, и они старые, устые, но живые.  
И снега нет в саду, а в саду цветут первоцветы.  
Над Клязьмой, следим за садами, садами, садами

Такие мысли в голове ее присели,  
Там смотрят грязно-желтые и угрюмые,  
Что предстают перед коротким мгновением  
Лицо синеватое, бледное  
И покрытое зелеными вспышками.

\*\*\*

ХАТКА Я

Разрушенные храмы Черноречья,  
Как ваша кладка ни крепка была,  
Со злобой вкупе глупость человечья  
С лица земли вас начисто смела.

Но как в усохшей ветке образ почек,  
Как мысль живет, когда конец речам,  
Остался в небесах ваш тонкий очерк,  
Духовным только видимый очам.

И вот в грозу, когда благоухают  
Цветы и блещут ливня зеркала,  
При свете молний стены проступают  
И начинают бить колокола.

Так на лице увядшем и унылом  
Того, кто скоронил свои мечты,  
От слов любви, произнесенных с пылом,  
Вдруг проступают юности черты.

1997

## В ЛУГАХ

Когда промчится огненный Илья

На колеснице и остудит воды,

Суровей, жестче с каждым днем земля,

Как человек, изведавший невзгоды.

Суровей и мудрей — всему свой срок.

Из глаз сухих уже слезы не выжмешь.

И все сквозной тревожней холодок.

И пахнет ветер отгоревшей пижмой.

Смотрю вокруг — наступив облака,

Не меренный никем простор без края.

И медленно громадные луга

Плынут, как панорама круговая.

А за рекой, где дыбятся дымы,

Там под дырявой лиственной хламидой

Обветренные красные холмы,

Как рубленые в камне пирамиды.

Устойчива, упружиста на вид,

Открыта вся, вся настежь — для обзора.

И странные слова сказать мне впору —

Как крепко на ногах земля стоит!

Такая мощь в чертах ее видна,  
Так смотрят грозно камни и увалы,  
Что подступают к горлу времена,  
Когда она кровавого вина  
Нежданым сватам вволю налиvalа.

В тоске смертельной жалились цветы,  
Предчувствуя напор поганых полчищ,  
Когда она багряные щиты,  
Отпор готовя, выставляла молча.

Все помнят травы — память в семенах,  
В песке, камнях. Сам воздух прошлым ранен.  
Смотрю сквозь даль — и боль земли, и шрамы; —  
Мне внятно все, что кануло в веках.

Стыд Игоря и Дмитрия поход,  
И Сергия горячие молитвы.  
И кровь моя, как летописный свод,  
Хранит былые подвиги и битвы.

И против тех, кто Русь мою чернит,  
Кто разжигает сердце черной злобой,  
Я выставляю свой багряный щит —  
Багряный щит — мое живое слово.

2007

зимой за окном в яром сиян'и  
засып'и в кипах опояс'и чистым зол'и  
внекуде дует и тихотонко всп'и  
лишь соловенца вно зной  
засып'и бледе чистое пленительное

## ДОРОГА

В окне металась занавеска,  
Все тщилась улететь туда,  
Где солнечные перелески,  
Холмов бредущие стада.

И виделись мне, как впервые,  
Цветы, желтевшие в лугах,  
Поля ячменные, ржаные,  
Река в кисельных берегах.

Разнежившись, вольготно, немо  
В огнях цветов, кострищ золе  
Пресыщенное лаской небо  
Еще лежало на земле,

Все облака — младенцев пухлых —  
Вспоившей молоком речным.  
В колосьях семена набухли,  
Дыша теплом ее печным.

Автобус мчал. И за порывом  
Порыв — шел ветер через мост.  
Обрыв. И небо за обрывом  
Уже вставало в полный рост.



И пока я жива, все, что вижу, и знаю, и помню,  
Что прозреет душа, переплавить в слова предстоит.

...Пахнут доски смолой, всюду груды кудрявых опилок.  
И вчерашним дождем налиты на дорожках следы.  
И небесный Строитель, на облачных стоя стропилах,  
Смотрит в сердце мое через толщу небесной воды.

2005



## У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Что ищем мы в старинных городах?  
Каких открытий ждем, какого знанья,  
Тщась уловить, как истину в словах,  
Руси начальной тихое дыханье?

Любовно гладим каждый черепок,  
С душевной дрожью смотрим на обломок,  
Что скоронило время, но извлек  
На божий свет досужий археолог.

На вал взираясь резво земляной,  
Глядим, тоскуя, будто о пропаже,  
Воображеньем жадным мир иной —  
Пространство вечно спящих будоража.

Все силимся представить — от реки,  
Где солнце краснощекое ярится,  
Вздымаая вихри, скачут степняки,  
С бедой и смертью в огненных глазницах.

И вот осада ширится, растет,  
Качает землю, опаляет кроны,  
Святые камни Золотых ворот  
Вновь оглашая топотом и стоном.

И те, кто город искони берег,  
Опять встают за веру, Божьи чада,  
Чтоб черную смолу и кипяток  
Лить на поганых с боевых площадок.

Кричат в смятенье души лебедей,  
Чьи одеянья стрелы оперили.  
И снежный пух из облачных бадей  
Сметает ветер мертвым на перины.

Зачем мы обращаем время вспять?  
Из любопытства? Или из желанья  
Хотя бы славой предков оправдать  
Убогое свое существованье?

Или под тяжким гнетом перемен,  
Слабея под бурунами напастей,  
Набраться сил хотим у древних стен,  
Где русские князья стояли насмерть.

9 марта 2009

\* \* \*

Вот говорят, что Бог Россию любит.  
Но как сурова Отчая любовь!

Он избранных ни тешит, ни голубит.  
Распятого не ужасает кровь.

Но беды все по-детски забывая,  
Вновь молится, раскаяться спеша,  
Лесная, луговая, полевая,  
Всем все прощающая русская душа.

1997

\* \* \*

Обмирает душа от дыхания горьких черемух.  
Уж ломали-ломали, живьем обдирали корье. —  
Вновь роятся цветы, точно пчелы, стряхнувшие дрему.  
И я слушаю, Русь, как колотится сердце твое.

Бродит вешняя кровь. Всюду белое да золотое. —  
Словно плат Богородицы бьется на синем ветру.  
Ты сегодня лучишься такой неземной красотою!  
От слепящего света я слезы, не прячась, утру.

Но как больно мне думать, что дни твои  
выжжены смутой,  
Что за честь и за власть ненасытные бьются князьки,  
Что кому-то ты видишься лишь одеялом лоскутным,  
И готовы тебя ни за грош разодрать на куски.

И как больно смотреть, что тебя унижают и топчут,  
Ту, чьи храмы и травы взошли на пролитой крови.  
Что смеются безродные шавки и лают все громче  
На победы твои и на горькие беды твои.

Но я верю в тебя. С этой верою жить мне не страшно.  
И пока не иссякла в нас память, до этой поры  
Есть защита у нас — все небесное воинство наше...  
Белый плат Богородицы русскую землю накрыл...

\* \* \*

Как луга оскудели... С тоской отмечает душа,  
Что теснят разнотравье овес и подсолнечник грубо,  
Что пустынна река, разве изредка взвоет баржа,  
И на счет окунья, где гуляли судак и белуга.

Убыла красота, ничего не оставив взамен,  
Только черные солнца подсолнухов тлеют до края.  
И не легче, узнав подоплеку крутых перемен,  
Будь то промысел Божий иль злобная воля людская.

Утешаешься малым — полянка клубники жива.  
И картошка росу, точно девушка перстни, нанижет.  
И чем горше и жальче родная земля —  
Тем роднее и ближе.

Одного ни понять, ни принять никогда не смогу...  
Иноземцам — дары, а тебе только горечь и ругань.  
Под началом чужих сеют, русскую мелют муку.  
Не нашлось, видно, русских умелых и умных в округе.

Рвут из рук — отдаешь. Что ж, себе не приходится лгать.  
Где же воля твоя? Где в былинах воспетая сила?  
То ли так, налегке, легче к Господу Богу шагать,  
То ли ты от отчаянья руки свои опустила?

Кто придет одолеть саранчу, недород, татарву?  
Пьют в кустах самогон два потомка библейского Хама.  
Поредевшее стадо роняет лепешки в траву,  
И слепит нержавейкой шатер поновленого храма.

## РЯБИНА

Меж черных кустов, к непогоде  
 Горюющих всяк о своем,  
 Рябина к дороге выходит  
 И кормит щеглов янтарем.

Пока торопливая стая  
 Пьет жар ее жадно, навзыд,  
 В холодное небо врастая,  
 Раскинувши руки стоит.

А после, всплакнув втихомолку,  
 Предчувствуя сердцем пургу,  
 Стулится возле проселка  
 Одна на багряном снегу.

Но с тихой мольбой вопрошая  
 О будущем небо и твердь,  
 Вновь будет просить урожая —  
 Весь мир накормить и согреть.

...За что уцеплюсь, чтоб не сгинуть,  
 Коль беды у самых дверей...  
 За тонкую эту рябину  
 На родине горькой моей.

\* \* \*

ЗОНЫ

То бури, то страшные сечи,  
До дрожки небесной оси.  
Но церкви, как белые свечи,  
Горят испокон на Руси.

Горят на пригорках цветущих,  
И в близости царских палат,  
Во здравие ныне живущих  
И в память о павших горят.

Горят, не сгорая, не тая...  
А стены во мгле ледяной.  
Но силы покуда хватает —  
Нам путь освещают земной.

2005

Ильинский узник, чтобы избавить от тишины, говорит  
именно о земной любви, о земной заботе, о земной любви к земле.  
Таким образом, Ильинский говорит о земной любви к земле.  
Ильинский говорит и — между Ильинским и — между Ильинским той  
Ильинской Руси, и Ильинской России — ильинской земли той.  
Просто, есть ли в земле любовь, есть ли земля, есть ли  
Природа, есть ли почва, есть ли земля, есть ли земля  
Чьи земли, земли, земли — земли земли.

800 языков 01

## ЕДИНОЕ

Узка рубашка «эго», швы трещат.  
Но человеку русскому присуще  
Себя с другими рядом ощущать  
Единым лугом, истово цветущим.

Крепка его, нерасторжима связь  
С живыми, близкими, но не скучеет равно  
Связь с теми, кто забвенья не боясь,  
Спит в белых рощах и седых курганах.

Не смерть — победу русс в бою искал,  
Ему защитой — камни, рвы и логи.  
Он перед битвой предков призывал,  
И предки поднимались на подмогу.

Как реки, выходя из берегов,  
Ревут, крушат препятствия любые,  
Так яростно, незримо для врагов,  
Сражались рядом мертвые с живыми.

Нет большей славы — в грозной сече лечь,  
Нет выше чести — вечно настороже  
Ждать, слыша шум времен, сжимая меч:  
Придет беда — и сродникам поможем.

## МУРОМЕЦ В КАРАЧАРОВЕ

На горы влезло Карабарово село,  
В овраги медленно стекают огороды.  
Зеленым буйным хмелем завило,  
Крапивой обвело крутые сходы.

Здесь русской слушать не наслушаться душе  
О колдуне, по пояс вбитом в глину,  
О темном богатырском кураже,  
О силушке невиданной былинной.

Расскажут местные, наморщивая лбы,  
Расправив тканью драгоценную преданья,  
Сам Илья с Оки мореные дубы  
Возил: да будут церкви основаньем.

Где лошадь не тянула — выпрягал,  
Нес на плечах древесных великанов,  
А где ступала Муромца нога —  
Там почва родниками набухала.

И ныне Русь к Илье — землей, рекой, —  
Просить заступы для родного края  
Пред оголтелой сворой бесовской,  
Чьи хлебы — боль, питье — тоска людская,

Просить за омертвелье поля,  
Боры — сквозь чащи, в старину глухие,  
Дорогой прямоезжей Соловья-  
Разбойника вез витязь в столыпий Киев.

*Молись малитвой богатырскою о нас!*  
И травы никнут, волны катит грунно  
Ока, что русской моши покорясь,  
По воле Муромца переменила русло.

И замедляют женщины шаги,  
Скорбя о слабых, о сидящих сиднем,  
А у источника толгятся мужики  
И молча пьют земли печальной силу.

2 сентября 2013

Но синева — любовь русь в боях коснется  
Былой славой — в руках, священными, эпосом чистым  
Все страда, беспричинные и проклятые, оканчивают  
И предают поконченному на берегах Бизюма коро  
Малаконко пахнущему таубой  
Как русь, выходя из боях се,  
Черну, колдуют проклятий короей — вспучки от ядовитой  
Горы, врагами, возвращающимися Годунову, какими бы они  
Справились с русью — были откосы и залоги эти А  
Былой славы — в руках се же ласка.  
Но зелёе чисты — Чисто-риманы — сады и альбонии  
Красы, синие пухи отцов и отцов-заключенных откосы  
Продает се — и сраждущийся Бориса Болотного засып  
Глаза се винят — засип, засип — и белых на

10 июля 2013



НЕ ВОТЧИНА ЛИ ЗДЕСЬ ЕДИНОРОГА...

\*\*\*

Мы встретились... Курилась за тобой  
Праматерь-степь, в ее волосьях жарких  
Гнездился дух лилово-золотой  
Тысячелетия цветущей ая-ганги;

Кедровник цокал и дышал смолой,  
По-звери лапы выставлял упруго,  
И Океан Байкал на хрящ земной  
Бросался, ослепляя хрустальной тьмой  
И тяжким грохотом перекрывал округу.

Бурятия, чья тайна на засов  
Закрыта, за тобою шла бессонно,  
И дым костров несла и зычный зов,  
Дурманный зов шаманского Ольхона.

А за моим плечом — сквозь ширь лугов  
Ока величественно и неторопливо  
Вершила путь, и в желтый шелк песков  
Одеждой тени сбрасывали ивы.

И цвел, и зрел во мне, как и теперь,  
Готовый выхлестнуть и обратиться словом  
Язычества животворящий хмель  
И тяга к белым лилиям Христовым.

Мы встретились... В столице каменной,  
на рубеже веков,  
И ты, и я с душою древней, дикой,  
И вот срослись, так страстно над рекой ,  
Сплетаются шиповник с ежевикой.

2013

работа альбома? А... концепция май  
жизни художника это в „алого-ярости“  
Богодос-ашана куд золинген  
желает-ке бергтвейн виталь-комп

Лицо мотало зеленой шапкой  
моткою матцак матцатой и выгнуто<sup>и</sup>  
вздохнул зелено-желтуюю об  
зывок сплюснутый юльякою от ясноты

тута Нытьевоз лишил танок ясноты  
второй воняет воном из

### ДУБРАВА

Пишу, надеясь воскресить опять  
То чувство странное... П полночи шпарил ливень,  
А днем — гроза. Лишь к вечеру мы вышли подышать  
В дубраву — ветром свежим, ветками сырьими.

Какой в природе был избыток сил!  
Какое буйство, красок переливы!  
Перенасыщен воздух влагой был  
И шебуршанием существ незримых.

Вот птица срезала блестящий лист крылом,  
Вот зверобоя выступили звезды,  
Вот жук с натужным звуком тяжело  
Прорезал, как моторка воду, воздух.

Болотных трав большие рати враз сошлись,  
Синь полонить от края и до края..  
Вода не место уступала — жизнь,  
Пронзительно и горестно сверкая.

И неотступно солнце — желтый хищный зверь —  
Шло за дубами в зарослях трескучих,  
Глазами дикими все яростней и злей  
Следя сквозь вечереющие сучья.

Тяжелым красным золотом трава  
Огрузла и богатым жарким светом  
Окрасились лесные терема —  
Дубов громадных каменные ветви.

Следы копыт хранил косматый луг,  
Заглохшая песчаная дорога.  
И ты сказал: все так таинственно вокруг:  
Не вотчина ли здесь единорога?

Не тот ли, кто из всех зверей один  
Изгнаников из рая не оставил,  
Тропу к озерной влаге проторил,  
Как к водопадам некогда хрустальным?

И будто бы услышав и поняв,  
Увидев что-то в далях невозвратных,  
Совсем иных лугов, иных дубрав  
Пахнули травы горечью закатной.

9 сентября 2011

Не сам ли любовник Купидон  
К воде сел в дубраве терпеть?

Он Тибета искать проселок,  
Все что угодно — жить.

\* \* \*

БАРТ ГАННЭЛЛОУ

Солнце ходит по водам, пышет  
На высоких султанах трав  
Для таких, как мы, сохранивших  
Первобытный души состав.

Для таких, кто дрожит от счастья,  
Близость чувствуя лоз, реки,  
Сохраняет Господь всечесно  
Заповедные уголки.

Упиваемся знайным летом,  
Пьем веселый цветочный хмель  
Поэтического завета,  
Что и Ветхого-то древней.

Июль 2013

Таким же золотым золотом тунец.  
Серебро в бояхах жаркими сияет  
Огненными ласками горячих  
Солнечных ярких восходов и закатов.

Леса волны волнистые волнистый дул,

### ВСЕЛЕННАЯ ТРАВ

В нас мало звериного, мало,  
Таинственно свиты пути.

Родня нам — деревья и травы  
С безудержной жаждой — цветсти!

И вот нам с тобою открылась  
Вселенная трав луговых,  
Живущих с языческим пылом,  
Сплетения связей живых.  
Неправоподобная свежесть,  
Дыханий пахучий покров,  
Соцветия дудок медвежьих,  
Багровая темь клеверов.

Забравшись в горячие дебри,  
В лепечущий, шепчуший зной,  
Ломаем хрустящие стебли,  
Что брызгают кровью живой  
И дышат все гуще, все слаше.  
О как же друг другу близки  
Зеленая кровь травной чащи  
И кровь голубая реки!

Тропинка ужом в жарких травах  
К цветам, ноги прячущим в ил.

Не сам ли любовник Купала  
К воде ее в дебрях торил?

Он! Тайны великой хранитель,  
Его это время — лови!  
Растенья в расцвете, в зените  
И ждут, обмирая, любви.

Ждут ночи, слепящей, громадной,  
Что страсть величает и мощь,  
Кострами пылающей жадно,  
Зовущей из стен и из рощ.

И сдвинутся с места деревья,  
Теплом обдавая печным.  
Пойдут, как ходили издревле,  
К сияющим водам речным.

Дубовые дупла покинув  
И мшаных лежанок уют,  
Все духи, все тайные силы  
Свои волхованья начнут.

Пусть влага сойдется и семя,  
Дремучее солнце с луной,  
С безмерностью вечности — время,  
А небо с землею сырой.

Пусть глубь сочетается с высью,  
С просторами — дикая глушь.  
Безумство любовное — с мыслью,  
С женою прекрасною — муж.

...А луга дыханье все слаше.

## О как же друг другу близки

## Кровь наша и кровь травной чащи

## И кровь голубая реки!

*Август, сентябрь 2013*



Лаков то гидропады на реках  
Водопады склонами манят сквозь  
Мистика солнца и синева морей  
Реки плавают между берегов

### СЧАСТЬЕ. ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Как ты прекрасна — молодость моя!  
Приятно чувствовать в ногах упругих силу.  
Идти! Зовет весенняя земля  
В громадные безлюдные поля.  
И жажда жить, дышать неутолима!

И ты, любимый мой, простором одержим!  
В стенах, в тепле так тошно нам обоим!  
Душа древлянкой, радуясь, дрожит  
От запаха реки и красной хвои.

Пойдем вдоль Клязьмы в голубых снегах.  
Март на исходе, а они дремучей  
Звериной шкурой у реки в ногах.  
В цветах можнатых диких яблонь сучья.

Вон там следы! Не брат ли наш рыбак  
Мял, утопая, снеговую рухлядь?  
И берег, поднимаясь на дыбах,  
Вот-вот готов был белой лавой рухнуть.

Лед желтой кромкой. Мимо трав сухих  
Придонный изумрудный шелк струится.  
И селезень на грани двух стихий  
Сквозь толщу смотрит древним ясновидцем.

Какая силища исходит от воды!  
Рвет легкие нам свежесть ледяная,  
Как мех, полуопрозрачным, золотым  
Вином своим пьянящим наполняя.

Заносит след — и снова целина.  
Все блага мира кажутся мне тленом  
Пред этой радостью — бросаться смело в белый океан,  
Проваливаясь в волны по колено.

Дышать! С тобой, с рекою. С твердью заодно,  
И с колотящейся сырой воздушной тканью.  
И различать, волнуясь, в шуме тростников  
И в резкой свежести речной Его дыханье.

8 апреля 2013

сум тыльца Ильинской — отдана свободой  
и плавающих в гидрокостюмах мышцам в Ильинской  
специальной школе йоги и медитации. Ильинская  
монастырь традиционно называется Ильинской

и Ильинской, и Ильинской монастырь называется Ильинской

\* \* \*

В лесу Господнем травы и цветы,  
Деревья хвойные и цепкие лианы,  
Приходим из слепящей темноты  
На солнцем обогретые поляны.

Мы видим: губят вешний цвет ветра,  
Собратья наши рушатся и гибнут,  
Но так живем, как будто вечно нам  
Качаться, бредить и шуметь на ливнях.

О тайна тайн — знать цель и смысл пути!  
Мы их, едва родившись, забываем.  
Лишь в том ли только, чтобы расцвести,  
Осыпать землю густо семенами?

Или в ином? И от звериных нор  
Мы поднимаем головы невольно.  
Шумит космический необозримый бор,  
И полыхает огненная хвоя.

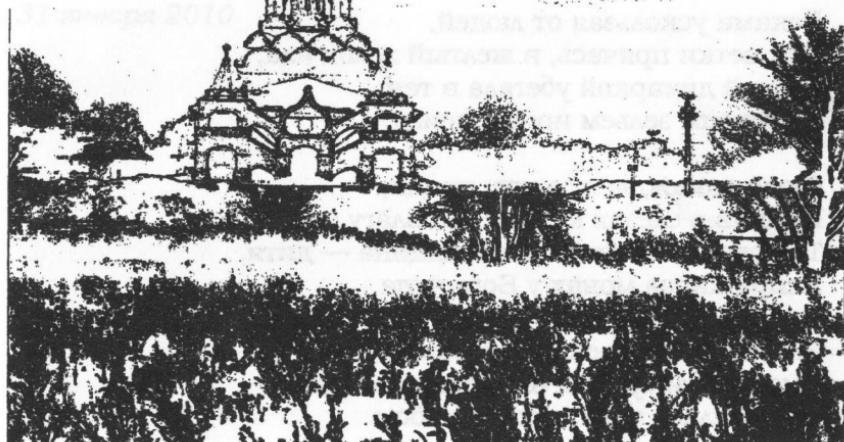
Корней сплетенье, блеск надмирных лоз,  
Кистей и гроздьев облака, навесы.  
Выходит из берлоги в гущу звезд  
Медведица — хранительницы Леса.

Прообраз нашего — нездешний дышит мир,  
И с лунным светом входит в наши мысли.  
Лишь изредка, воздушный слой пробив,  
К нам забегают огненные лисы.

В их лес таинственный, как в дивные сады,  
Воротимся ль, чтоб вновь поднять соцветья?  
И зверобоем ярко-золотым  
Пылают радостно высокие созвездья.

10 июля 2013

Сквозь сосновые иглы Быстро к южному ветеркам  
Быстро в радужные мгновенья — Амвон там якорем то зал  
Святые царства, троица — Ступа обнажена ханжудом ее зал  
Святые царства, троица — Ступа обнажена ханжудом ее зал



Церковь в географии языка склоняет азбуку  
Потасево с тихо-тихимишими занавесами  
такимто звягот и — азбука, азбука-  
язык и занавес языка Благодати

## В ЛАВРЕ

обсерватория окопала-акопала руки  
акопала-акопала петушинские крылья Н  
косяжные куртки в лавре близкой Н  
акопала-акопала, окопала-акопала

На Маковце блестают купола.

А у подножья в сполохах веселых

Сидят в снегу посадские дома —

Большие запорошенные совы.

Люблю я снега и снеги эти из Н

Люблю я снега и снеги эти из Н

Заледенела лестница в овраг,  
Где от мороза куст корней не чует,  
Где на подушках из придонных трав  
Тихонько дышит спящая Кончура.

Веками ускользая от людей,  
Под ветки прячась, в желтый холод ила,  
Лесной дикаркой убегала в тень  
И мутным зельем ирисы поила.

Сюда однажды в засуху приddy,  
Припав в слезах к земле, на влагу скучной,  
Так свет — слепец, так женщина — дитя,  
Испрашивал монах у Бога чуда.

Блеснуло небо вещим серебром,  
Смолистый сумрак высветив до края.  
Натужилась вода, пробила лбом  
Сухую твердь и излилась сверкая.

Теперь избушка здесь вмерзает в лед.  
(Какая тишина стоит в овраге!)  
Откроешь дверь — и тотчас опахнет  
Дремучий запах дерева и влаги.

Луч сквозь окошко низкое пророс  
И озарил пространство небольшое:  
И Божий лик, и ветку жарких роз,  
Оставленную доброю душою.

Купель полна слезою ключевой.  
Перекрестясь, вдохнуть морозный воздух  
И ухнуть прямо в ледяной огонь,  
Целящей влаги высекая звезды.

Еще свежи купавшихся следы.  
Душа в раздумьях медлит и немеет  
Над черным, грозным космосом воды,  
Где светит образ, ветка пламенеет.

31 января 2010

Заледеневшая лестница в сорбереала восхитительна можно видеть  
Где от мороза круги заснежены и склон замерзла вишня.  
Что же таинственнее чистота, когда мороз останавливает движение дней  
И покрывает снегом землю, витязь, забытое гитарой виши.

23 ноября 18

## В ТРОИЦКОМ СОБОРЕ

У Архангела под золотым крылом  
Во вратах пробоина ядром.

И в дыру, как будто тяжкий вздох,  
Льется воздух четырех веков.

А за створом сияются еще  
Одолеть нас гладом и мечом.

Заросла б железная кора,  
Затянулась в прошлое дыра,

Да Архангел зорко сторожит,  
Чтобы память оградить от лжи.

23 ноября 2010

Священное кружит ясною дым  
Грустны мозгах отъ зои моряким гой  
Чистые дланевидные аисты  
Льются чистом багрово мятой.

ПАСХА. НАКАНУНЬ

ЛАВРА

Где льются дивные энергии

В благоуханном полуумраке,

Там почивают мощи Сергия

В серебряной прохладной раке.

К нему — больные и бездомные,

К нему — с тоскою и утратой.

Бульжник шарканьем паломников,

Как берег волнами, обкатан.

И к длинной веренице страждущих,

Дошедших, как и я, до края,

С душой, так жадно чуда жаждущей,

В немом порыве примыкаю.

О это чувство незнакомое:

Судьбу небесным силам вверить,

За стенами оставив темное,

Издерганное, злое время.

Как плавание одиночное,

О прошлом размыщенья тяжки,

Покуда двигается очередь

Незримым шагом черепашьим.

И над своей тоскуя скверною  
 Под взглядом роз, что жаром пышут,  
 Слова отыскиваешь верные,  
 Чтобы святой мольбу услышал.

...И кожу будто сводит инеем.  
 Застынешь в узеньком проходе.  
 Сквозь мышцы все и сухожилия  
 Сухие молнии проходят.

И все слова, что приготовлены,  
 Ушли — безмолвье и сиянье.  
 Похожий на короткий обморок  
 Момент прикосновенья к тайне.

В густой траве за колокольнею,  
 Вдруг обессилев совершенно,  
 Храня чудесный отблеск горного,  
 Замрешь с улыбкою блаженной.

Душа, что мед вкушала досыта,  
 Твердит, что знала изначально:  
 Так велика здесь милость Господа,  
 Что не уйдет никто печальным.

5 апреля 2010

желания, они обретают ясность, и в этот момент можно видеть глубину философии поэта. Но это не означает оторванности от реальности — Пушкин приводит действительные события, которые ему предложены реальностью или же рождаются

## ПАСХА. НАКАНУНЕ

Над черной искореженной землей  
В виду градирен, смрадных труб, дымящихся отвалов,  
Одолевая мглу и морок злой,  
Росло сиянье бело-золотое храма.

Оно рвалось, гудя, из темных недр,  
Навстречу синеве густой, живой, текучей.  
Храм простирая ветвями чистый свет,  
Так простирает ветви дуб могучий.

Под дивной кроной радостных лучей  
Толпился люд, шел поп, огромный, рыжий.  
Жар крашеных яиц и куличей,  
Светясь, кропили золотые брызги.

Из тени в солнечное полымя  
Над Яузой шли ивы с тихой дрожью.  
А из динамиков, ликуя и скорбя,  
Звучало слово, истинное, Божье.

И сердца слушая рокочущий прибой,  
С чудесной вестью к нам речной долиной  
Бежала, ног не чуя под собой  
От радости и страха, Магдалина.

Май 2011,  
с. Тайнинское

И под свой голос скопредо  
Под виселица роз, что лирика пишут  
Синева отставанием первым,

Чтобы са

## СТИХИ, РОЖДЕННЫЕ ЛЮБОВЬЮ: О ЛИРИКЕ МАРИНЫ КОТОВОЙ

Спроси любовь, где и с кем ее понимают Боннер да Н  
Судьба ее извращает, будь хладно — изрекают чужие В  
Был я юдом и чуток авантюристом  
Я все равно, что пингвина между столами-садами занято фасой  
Умал — бывалось и скажу.  
Поморгай на короткой щелкни ими ее, будь заслоной яко  
Несколько минут я буду жить в тебе. Вот это звено уходит в  
твои руки, пытаясь доброты и мысей

Выход новой книги – это не только факт биографии поэта. Выход настоящей книги – это факт жизни нашей литературы, великой русской поэзии. И не важно, будет ли это публичное явление новых стихов отмечено громким околовербальным шумом или же скромно порадует небольшой круг ценителей слова. Время все расставит по своим местам, выяснит истинную поэзию, отделив ее от всего сиюминутного, экстрамодного, часто эпатажного. Настоящая поэзия всегда питается сильными чувствами: поэт творит свой мир, окрашивая его радостью, болью, тихим умилением и бурными восторгами. Вся эта сложная гамма чувств присутствует в новой книге Марины Котовой – поэта, верного в творчестве своей главной теме. Эта тема – природа и человек, их разъединенность и нерасторжимость одновременно.

Русский православный философ XIX века Н.П. Гиляров-Платонов утверждал, что человека формирует не только среда. Но и особенности местности, в которой проходит его

детство, тип самого ландшафта, который человек видит перед глазами. «Местность имеет свои права, — справедливо утверждает философ. — Первые впечатления детства: очертания, которыми окружен ребенок, особенности гор, рек, лес или степь, исторические памятники, которые на негоглядят...» Связь эта обычно бессознательная, но у творческой личности, у поэта, художника она переходит в «связь нравственную: добровольную, осознанную».

Художественный мир Мариной Котовой сильно напитан впечатлениями детства. И ландшафт здесь, бесспорно, имеет над поэтом свои права: и дело не только в том, что природа средней полосы России, спокойная, гармоничная, лишенная резких линий, становится главной темой для лирических раздумий ее героини. У каждого поэта в его собственных стихах можно найти метафору творчества. Марина Цветаева своей метафорой — «я бренная пена морская» — точно определила темперамент своей лирической героини, и у Мариной Котовой метафора творчества тоже связана с водной стихией — но это река, течение которой спокойно, величественно и плавно. «Катятся древние воды Оки...», «Подражание волне» — водная стихия для ее героини родная, будто в воде она рождена. Вода для нее и начало всего, и конец, как в «Последнем катаклизме» Тютчева:

*Все сущее опять покроют воды  
И Божий лик отобразится в них.*

Образом водной стихии завершается стихотворение Мариной Котовой, обращенное вглубь русской истории — «Князю рать вести во поле диком...»:

*Одалев забвенье и скитанья,  
Серой жизни нищее рядно...  
Так сквозь воду в солнечном сияньи  
Проступает золотое дно.*

Кстати сказать, образы мировой культуры, поэзии прежде всего, в стихах Марины Котовой проявляются через очень тонкие аллюзии, и в этом тоже особенность ее самобытной лирики: поэт самодостаточен и не собирается никому демонстрировать свои знания о жизни. Он передает ощущения, и это куда более ценно.

И как в теплое течение летней реки, умеет Марина Котова погружаться надолго в одно состояние. Очень внимательный и медленно движущийся взгляд ее позволяет увидеть, как подспудно меняется мир, и эти изменения суетному беглому взгляду не могут открыть

*И этот плач, и приближение тьмы  
Такой тоской меня переполняют...  
Следить, как краски медленно линяют  
И холдеют долы и холмы...*

(«Красны колосья трав в густом закатном свете...»)

Поэт становится своеобразным реставратором прошлого: в стихах заметно постоянное стремление разглядеть то, что мало заметно. В разрушенном увидеть прежний облик, в увядшем — черты начала жизни:

*Так на лице увядшем и унылом  
Того, кто скоронил свои мечты,  
От слов любви, произнесенных с пылом,  
Вдруг проступают юности черты. («Разрушенные храмы Черноречья...»).*

Этот неспешный взгляд на мир, умение оценить каждое мгновение жизни земли проявляется в стихах Марины Котовой и на формальном уровне: поэт тяготеет к многостопным размерам («Дремлют карпы в прогретой воде. Спят шелковник с осокой...», «В магазине у станции купиши бу-

ханку ржаного...», «И слипались стрекозы. Повыгнув тела нитяные...» и другие).

В лучших традициях русской лирики прошлых веков основной эмоциональный тон стихотворений Марины Котовой — элегический. Они наполнены светлой грустью. Потому что (и это ощущается во многих стихотворениях) лирическая героиня, смиренно осознавая бренность всего живого, жаждет ситься с природой. Раствориться в ней сейчас, и растворяться каждый миг своего земного существования земного.

Я слушаю...Невидимой лесой  
Звенят луга. — Не высшая ль отрада? —  
Свое дыханье слить с цветком, росой,  
Печальной сумеречной песнею цикады. («Красны  
колосья трав в густом закатном свете...»)

И эта растворенность — глубокая, нутряная — в жизни природы определяет и идеалы лирической героини. Удивительно, но именно в стихотворениях о природе. В пейзажной лирике, отчетливо проявляются черты женского характера — характера национального, ибо смирение, покорное принятие радостей и страданий всегда составляло основу народного русского женского характера. И идеалы такого отношения к миру Марина Котова находит в «скорбном смирении природы, в ее обреченности — умирать и возрождаться.

Смиренней одинокого куста  
становишься,  
Воды недвижной тише —  
Сама собой приходит немота,  
Когда пустеют дачи и листва,  
Как кровельщик неспешно кроет крыши. (Смиренней одинокого куста становишься...).

И мольбы ее героини — они такие естественные для русского человека. Для русской женщины — мольбы об утешении и спасении.

Вот мольба женщины, жаждущей оправдать и сохранить свою любовь к Богу, который выглядит равнодушным естествоиспытателем, — обращенная мольба.

*Расправь нам крыльшки, дыханием овеи,  
Дай вспомнить весь сюжет короткой главки,  
И на одной серебряной булавке  
Распни их для коллекции своей.*

(«Обрезки бархата и шелка — мотыльки»).

Еще один устойчивый образ лирики Мариной Котовой, который, как и образ течения реки, глубокой воды, формирует поэтическое пространство — это образ храма. И через него тоже можно увидеть своеобразие ее поэтического мира: крепость стен, уходящих в землю, с одной стороны, и вознесенность вверх, устремленность к небу, с другой. Это своеобразная метафора творчества, которое прочно потому, что питается силами земли, но остается в веках только тогда, когда устремлено в вечность, когда преодолевает сиюминутные побуждения. Тогда искусство — храм. И создатель такого храма — поэт, соединивший земное и вечное, небесное.

*Он был поэт. И потому, пока  
Стоит собор — весь совершенство линий, —  
Другим поэтам воспевать в веках  
Борьбу зверей и белый холод лилий.*

В новой книге стихов Мариной Котовой поэтическая география явно расширилась: родственным взглядом ее лирическая героиня пытается проникнуть в тайны не только давно близких ей ландшафтов Поволжья, Подмосковья, но и

Псковского края, Забайкалья, Кавказа. И всегда природа аккумулирует не только чувства современного человека, но и его историческую память, которая подспудно является давно забытые образы:

*Бурятия, чья тайна на засов  
Закрыта, за тобою шла бессонно,  
И дым костров несла и зычный зов.  
Дурманный зов шаманского Ольхона.*

Рожденные памятью о родной земле, о родной воде, устремленное к родному небу, поэтическое творчество Марины Котовой продолжает лучшие традиции русской лирики, для которой природа всегда была мерилом нравственных ценностей.

Татьяна Кондратова,  
кандидат филологических наук



## СОДЕРЖАНИЕ

Русский лес .....	3
Царь Давид и жабы .....	5
<b>В верховьях времени</b>	
«Я прежде управлять умела снами...» .....	8
Чистая поэзия весеннего сада .....	9
«Даль слезится от Божьего света...».....	2
«Подобьем сумерек меж белых берегов...» .....	13
«В магазине у станции купиши буханку ржаного...».....	15
«Нет для меня загадочней минут...» .....	16
«Я — наследница древней прекрасной земли...» .....	17
Русский снег .....	18
«Был праздный день, цветения пора...» .....	19
Дмитриевский собор .....	20
Воображаемое путешествие на воздушном шаре.....	23
<b>Дремучее сердце</b>	
Видение зверя у реки Вори .....	25
Дремучее сердце .....	28
Родник в мертвом лесу .....	29
«Здесь, на припеке, и не опишу...» .....	32
«В то лето мало выпало тепла...».....	34
«Что может быть лесной дороги лучше...» .....	36
«Здесь я с водой боролась через силу...».....	37
«Идти и идти по песчаным пригоркам...» .....	40
Дурная погода .....	42
«Много ли путнику нужно усталому?...».....	44

**Еловый бор**

«Бор медленно темнел, уйдя в себя, сомкнув уста...» .....	46
«В таком лесу я не бывала сроду...» .....	48
Лес в дождь .....	50
«Сырой еловый бор — жилище мухоморов...».....	51

**Явление Оки**

Явление Оки .....	53
На затоне .....	56
Ока зимой. Простор .....	68
«Есть дикий сад на берегу Оки...» .....	60
Желнино .....	61
«Мне на горькие дни сберегает печальная память...» .....	62
Волхвы .....	65
«Я выросла среди шумящих рощ...» .....	68
Рыбачьи домики.....	71
«Луга пустынные, дубравы, сосняки...» .....	72
Сейма .....	74
Лето на Оке	
«Уходить пора, но оторвешься разве...» .....	76
«Есть что-то материнское в дубравах...» .....	78
«Песчаная дорога вдоль Оки...» .....	79

**Сположи**

Родина.....	81
Город Д. Пейзаж.....	83
Исчезновение вещей. Мозаики .....	85

**Мама ушла в лес**

Лес .....	87
Сентябрь в Горбатовке .....	89

Область сумерек .....	91
Красота мертвой травы .....	92
«Скорбное смиление природы...» .....	94

### **Черноморская тетрадь**

Кавказ .....	95
Море .....	97
Шторм приближается .....	98
Оплаканное мгновение .....	99
В горах .....	100
Детляжка .....	101
Горы в сумерки .....	103
Перед штормом .....	104
Вполголоса стихи слагало море .....	106
Лосось и дикие розы .....	108
Ущелье .....	110
«Любовь моя! Постой, повремени!..» .....	112
Сумерки на море.....	114
Древо времени .....	116
Джанхот .....	117
«Среди пицундских красных сосен, что дышали...» .....	118

### **Псковская глушь**

Бор .....	120
«Леса горели, русские леса...» .....	123
Черника. ....	124
Тайное сочувствие .....	125

### **У Золотых ворот**

«Князю — рать вести во поле диком...».....	126
Гороховец .....	128
Русь .....	129

*Дорога в сосновых иглах*

«Дичает сад. Теряет, что копил...» .....	130
«Разрушенные храмы Черноречья...» .....	131
В лугах.....	132
Дорога .....	134
«Дремлют карпы в прогретой воде, спят шелковник с осокой...» .....	135
У Золотых ворот .....	137
«Вот говорят, что Бог Россию любит...» .....	139
«Обмирает душа от дыхания горьких черемух...» .....	140
«Как луга оскудели... С тоской отмечает душа...» .....	141
Рябина .....	142
«То бури, то страшные сечи...» .....	143
Единое .....	144
Муромец в Карабарове .....	145

*Лирический эпос о любви и смерти***Не вотчина ли здесь единорога**

«Мы встретились... Курилась за тобой...».....	147
Дубрава .....	149
«Солнце ходит по водам, пышет...» .....	151
Вселенная трав .....	152
Счастье. Холодная весна .....	155
«В лесу Господнем травы и цветы...» .....	157

**В Лавре**

«На Маковце блестают купола...» .....	159
В Троицком соборе .....	162
Лавра .....	163
Пасха. Накануне .....	165

**Татьяна Кондратова: Стихи, рожденные любовью:  
о лирике Марины Котовой .....** 166

## **Литературно-художественное издание**

**Котова Марина Ананьевна**

# **DOROGA V SOSNOVYX IGLAX**

**Стихотворения**

Подписано в печать 23.12.2013. Формат 60×90 1/16. Бумага 80 г/м<sup>2</sup>

Гарнитура «Таймс». Ризография. Усл. печ. л. 11,0.

Тираж 100 экз. Заказ № 272.

Издательство Московского государственного университета леса. 141005,

Мытищи-5, Московская обл., 1-я Институтская, 1, МГУЛ.

E-mail: [izdat@mgul.ac.ru](mailto:izdat@mgul.ac.ru)